

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПОГРАНИЧНЫХ ЛИВВИКОВСКИХ И ЛЮДИКОВСКИХ КАРЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ¹

В статье представлен анализ фонетических систем ведлозерских говоров ливвиковского наречия и южнолюдиковских говоров карельского языка, развивающихся на протяжении нескольких столетий в условиях активного контактирования. Статья предваряет публикацию выборочных образцов карельской речи, записанных автором 8–12.09.2014 г. в Крошнозерском и Святозерском сельских поселениях Пряжинского района в ходе работы экспедиции «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии».

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, людиковское наречие, фонетика, фонология, образцы речи.

Становление фонетических систем карельских диалектов неразрывно связано с историей их формирования. Современные карельские наречия являются наследниками языка субэтноса корела, образовавшегося на Карельском перешейке в начале второго тысячелетия н. э. из восточного и северного диалектов прибалтийско-финского языка-основы². В результате военного противостояния России и Швеции поток карелов с исторической родины хлынул на территорию современной Республики Карелия, а также на новгородские и тверские земли³. Исследовав документальные источники,

¹ Статья с приложениями в виде образцов карельской речи написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01212 «Комплексное исследование историко-культурной зоны южной Карелии» и проект № 14-34-01204 (2014–2015, рук. И. П. Новак) «Фонетические и грамматические маркеры карельской диалектной речи».

² См.: *Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. 87. S. 349–353.*

³ См.: *Кочуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск, 1987. С. 66–67.*

историк А. С. Жербин пришел к выводу, что вызванное нападениями со стороны Швеции систематическое переселение карелов с территории Корельского уезда на древние вепсские территории Олонецкого перешейка началось уже в XIII в., однако, оно не имело массового характера⁴. Военные действия XIV–XVIII вв. привели уже к организованному оттоку карельского населения с исторической родины. Переселение на Олонецкий перешеек усилилось, где в итоге вепско-карельского контактирования завершилось формирование ливвиковского и людиковского наречий карельского языка.

Очевидно, в связи с особенностями территориального положения, при формировании ливвиковского наречия преобладающим оказался карельский компонент, вепсский отражен в нем в качестве субстрата⁵. Людиковское же наречие одни исследователи относят к прямым наследникам северного диалекта древневепсского языка, другие называют последователем древнекарельского языка, ощутившим на себе достаточно сильное вепское влияние⁶. Согласно Т. Итконену людиковское наречие является переходной языковой формой, образовавшейся в результате смешения древнекарельского и древневепсского языков⁷. Конечно, условия многовекового соседства пограничных ливвиковских и людиковских диалектов не могли не сказаться на языке тех и других. А. Турунен отмечает, что средне- и южнолюдиковские диалекты ощутили на себе значительное влияние соседних ливвиковских диалектов⁸. Анализ фонетической системы обследуемых говоров (говор дер. Маньга и крошнозерские говоры, относящиеся к ведлозерскому диалекту ливвиковского наречия, а также святозерские и пряжинские говоры, представляющие южнолюдиковский диалект), а также их сравнение с фонетическими системами остальных ливвиковских и

⁴ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 38.

⁵ См.: *Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. 75. S. 179.*

⁶ См.: *Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet. Helsinki, 1960. S. 1.*

⁷ См.: *Itkonen T. Ibid. S. 179.*

⁸ См.: *Turunen A. Lyydin asema vepsän ja karjala-aunuksen välimurteistona // Virittäjä. 1947. 51. S. 4–12.*

людиковских диалектов, может помочь определить степень подобного взаимовлияния на данной конкретной территории.

Фиксация языка карелов-ливвиков и карелов-людиков была начата силами финляндских исследователей во второй половине XIX в. Первым образцы карельской речи интересующего нас региона записал финляндский фольклорист Д. Европеус. В последующие годы сбором образцов карельского устного народного творчества занимался А. Борениус. Начало научного исследования карельского языка связано с именем языковеда А. Генетца. По результатам своих полевых исследований 1871 и 1972 гг. он опубликовал работу «*Tutkimus Aunuksen kielestä*» (1885), описывающую фонетическую и морфологическую системы ливвиковских диалектов, и «*Vepsän pohjoiset etujoukot*» (1972), посвященную анализу языка карелов-людиков. Собранный Ю. Куёла в начале XX в. материал вошел в основу словаря людиковского наречия «*Luudiläismurteiden sanakirja*» (1944). В последующие годы сбором языкового материала на территории проживания карелов-людиков и карелов-ливвиков занимались Х. Оянсуу, Я. Калима, Л. Кеттунен. Итогом работы Х. Оянсуу стало издание исследования «*Karjala-Aunuksen äännehistoria*» (1918). Фонетика людиковских говоров была детально описана А. Туруненым в работе «*Luudiläismurteiden äännehistoria, I, II*» (1946, 1950).

Отечественные лингвисты обратились к исследованию языка карелов в первой половине XX в. Огромное значение в изучении карельских диалектов сыграла работа по сбору материала для диалектологического атласа карельского языка под руководством Д. В. Бубриха⁹, начало которой было положено в 1930-е гг. Работа позволила получить достаточно полное представление о фонетической, грамматической и лексической системах диалектов карельского языка. В атласе отражены следующие интересующие нас населенные пункты: Щеккила (23), Габозеро (24), Важинская Пристань (37), Святозеро (38), Пелдожа (39), Пряжа (40), Маньга (42), Ламбисельга (43), Салменица (41).

⁹ Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997 [Далее – ДАКЯ].

Диалектные материалы, в том числе ведлозерского и южнолюдиковского диалектов, анализируются в исследованиях российских языковедов: П. М. Зайкова «Диалектология карельского языка» (1987), «Глагольное словоизменение в карельском языке» (2000), Л. Ф. Маркиановой «Глагольное словообразование в карельском языке» и др., а также диссертационных работах и многочисленных научных статьях. В 1975 г. выходит в свет работа А. П. Баранцева «Фонологические средства людиковской речи», посвященная описанию фонетической системы святозерского идиолекта, в приложении приводятся людиковские тексты.

Образцы речи интересующих нас диалектов опубликованы в сборниках: «Karjalan kielen näytteitä» (1934), «Lyydiläisiä kielennäytteitä» (1934), «Образцы карельской речи: Говоры ливвиковского диалекта карельского языка» (1969), «Näytteitä karjalan kielestä» (1994) и др. Богатый ливвиковский диалектный материал отражен в шеститомном словаре карельского языка (1968–2005). В Научном архиве КарНЦ РАН хранятся записи диалектных текстов, записанных в Котчуре, Крошнозере, Пелдоже, Святозере и др. соседних населенных пунктах в середине прошлого века¹⁰. В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН представлены аудиозаписи карельской речи (1960–2014 гг.) информантов – уроженцев населенных пунктов: Крошнозеро, Ёршнаволок, Котчур, Миккелица, Афанасьева Сельга, Каскеснаволок, Коккойла, Ефимова Сельга, Топозеро (Крошнозерское сельское поселение); Святозеро, Верхние Важины, Важинская Пристань, Кашканы, Пелдожа, Лижма, Вашаково, Сигнаволок (Святозерское сельское поселение).

На основе имеющихся исследований (А. Turunen «Lyydiläismurteiden äännehistoria, I, II», Т. Itkonen «Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty», А. П. Баранцев «Фонологические средства людиковской речи»), данных «Диалектологического атласа карельского языка»¹¹, примеров,

¹⁰ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 38. Оп. 43.

¹¹ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. Helsinki, 1946; Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. 75. S. 153–185; Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975; ДАКЯ.

собранных из образцов карельской речи, а также непосредственно в ходе полевой работы попытаемся определить основные фонетические отличия, маркирующие интересующие нас соседствующие диалекты, а также степень их взаимовлияния.

Итак, инвентарь кратких гласных фонем описываемых говоров не обнаруживает существенных диалектных отличий. На интересующей нас территории южнолюдиковского диалекта представительство исторически долгих гласных двояко. Дифтонгизацию долгих гласных *иу*, *уу*, *йй* исследователи возводят к вепсскому языку, в то время как их сохранение объясняется влиянием соседних ливвиковских диалектов¹².

Ведлозерские и южнолюдиковские говоры отличаются представительством восходящих дифтонгов. Древние прибалтийско-финские долгие гласные **аа*, **ää* на большей территории распространения людиковских диалектов передаются через дифтонги *иа* (*тиа* ‘земля’), *йä* (*риä* ‘голова’), в то время как на территории распространения северных ливвиковских диалектов (ведлозерского и сямозерского) встречаем в большинстве пунктов дифтонг *оа* (*тоа*), *еä* (*реä*). Исключением является говор дер. Маньга и некоторые восточные сямозерские говоры, находящиеся на границе двух карельских наречий, здесь встречаем дифтонги *иа*, *йä*, как и в южнолюдиковском диалекте. Напр., **влз.**¹³: *тоамо* ‘мать’, *остоа* ‘покупать’, *гоадо* ‘работа’, *тоатто* ‘отец’, *веäру* ‘кривой’; **но** *андуа* ‘давать’, *хуаба* ‘осина’, *лаукку* ‘лук’, *п’уакку* ‘галка’, *п’уаву* ‘лишайник’, *т’йähti* ‘звезда’ (Маньга); **юлд.**¹⁴: *хуабе*, *куадаид* ‘кальсоны’, *тумамо*, *руадо*, *суалеһен* ‘добыча’ ген. ед., *туатто*, *киändäу* ‘он поворачивает’, *виärä*. Исследователи исторической фонетики прибалтийско-финских языков сходятся во мнении, что путь от долгого гласного к дифтонгу выглядел следующим

¹² См.: *Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Helsinki, 1950. S. 28, 30.*

¹³ Ведлозерский диалект ливвиковского наречия карельского языка – крошнозерские говоры, говор д. Маньга.

¹⁴ Южнолюдиковский диалект людиковского наречия карельского языка – святозерские и пряжинские говоры.

образом *aa > oa > ua, *ää > eä > iä¹⁵. Таким образом, в части диалектов закрепился дифтонг oa, в то время как в других он продолжил свое развитие.

Остальные восходящие и нисходящие дифтонги, в большинстве своем, представлены в описываемых говорах единообразно. Исключением, однако, являются нисходящие дифтонги на *i*, выступающие в определенных позициях (на конце слова, в формах имперфекта индикатива односложных глаголов, формах множественного числа косвенных падежей односложных имен). В ливвиковском наречии в этом случае повсеместно выступают дифтонги (*reboi* ‘лиса’), что, очевидно, повлияло и на пряжинские говоры, в остальных южнолюдиловских пунктах они развились в трифтонги с начальными компонентами *u*, *y*, *i* (*rebuoi*), причиной чему Турунен называет контаминацию диалектных форм (*anduo* + *andoi* = *anduo*i**)¹⁶. Напр., влз.: *andoi* ‘он дал’, *kukoi* ‘петух’, *talo*i** ‘дом’, *söi* ‘он ел’, *täi* ‘вошь’; юлд.: *anduo*i** ‘я дал’, *čaguoi* ‘мизинец’, *kukuoi*, *tuamuoi* ‘мать’, *tučui* ‘невеста’, *must’uoi* ‘черника’, *lötyöi* ‘лягушка’, *talui*, *vaguoi* ‘малина’, *syöi*, *t’iäi*, но *reboi*, *kukoi* (Пряжа).

Существенные диалектные отличия обнаруживает конечная огласовка форм номинатива единственного числа слов с двусложной основой на *a*, *ä*, в которых первый слог является / являлся долгим, трехсложных и многосложных имен, в которых предпоследний слог исторически был долгим, а также форм партитива и эссива. Для всех ливвиковских диалектов характерно наличие в данной позиции гласных *u*, *y* (*adru* ‘соха’, *silmy* ‘глаз’), в то время как в южно- и среднелюдиловских диалектах представлен гласный *e* (*adre*, *silme*). Пряжинский говор является исключением, здесь встречаем гласные *u*, *y*, очевидно, возникшие в результате ливвиковского влияния¹⁷. Напр., влз.: *akku* ‘жена’, *emändy* ‘хозяйка’, *harakku* ‘сорока’, *ižändy* ‘хозяин’, *keyhy* ‘бедный’, *lašku* ‘ленивый’, *linnu* ‘город’, *randu* ‘берег’, *sildu* ‘мост’, *selgy* ‘спина’; юлд.: *akke*, *emände*, *harakke*, *hukke* ‘волк’, *ižände*, *keyhe*, *laške*, *pedre* ‘олень’, *rande*,

¹⁵ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. S. 18, 32.

¹⁶ Ibid. S. 44, 188; ДАКЯ. Карта 41.

¹⁷ ДАКЯ. Карта 27.

vihme ‘дождь’, но *harakku, lidnu* (Пряжа). Исследователи объясняют существенные диалектные отличия в людиковском наречии влиянием соседних ливвиковских и южнокарельских диалектов, в результате чего на место исчезнувших в ходе вепсского влияния гласных *a, ä* восстановились (или не восстановились) гласные *a, ä* (под влиянием южных диалектов собственно-карельского наречия), *u, y* (под влиянием ливвиковских диалектов) или *e* (ошибочное восстановление гласного)¹⁸. К результатам ливвиковского влияния относят и сохранение остальных кратких гласных, выступающих в конце слова, в том числе в южнолюдиковском диалекте, в сравнении, например, с севернолюдиковским представителем явления¹⁹.

Сравнение консонантных систем анализируемых говоров дает следующее представление об основных фонетических маркерах, выделяющих соседние ведлозерский и южнолюдиковский диалекты, а также о взаимовлиянии этих диалектов друг на друга. Если на большей территории распространения людиковского наречия фиксируется *d'* в положении перед гласными (*d'uuri* ‘корень’, *d'ogi* ‘река’, *d'alga* ‘нога’), то в ливвиковском наречии явление представлено довольно пестро. В описываемых говорах, согласно «Атласу», повсеместно представлен мягкий смычно-взрывной согласный, в то время как вокруг встречаем среднеязычный согласный *j* (*juuri, jogi, jalga*)²⁰. Напр., влз.: *d'agoin* ‘я разделил’, *d'orši* ‘ерш’, *d'uablokka* ‘яблоко’, *dyvä* ‘зерно’, *kard'u* ‘стадо’, *tid'd'ät* ‘ты знаешь’; юлд.: *d'orši, d'ouhet* ‘щетина’, *dyru* ‘гроза’, *dyvä, dänöi* ‘заяц’, *kard'e*. Столь пестрое представительство палатализованного дентального согласного на месте полугласного *j* в южных карельских наречиях, а также северных диалектах вепсского языка, согласно Туруне, является свидетельством былых тесных контактов среди населения данного региона²¹.

Отличия обнаруживает и употребление долгих / кратких смычно-взрывных, выступающих в открытом слоге в положении после

¹⁸ См.: Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. S. 158.

¹⁹ Ibid. S. 163.

²⁰ ДАКЯ. Карта 42.

²¹ Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria I. S. 318.

согласных *r*, *l*, *n*: в южнолюдиловских говорах в данной позиции повсеместно встречаем геминату (*čirkku* ‘воробей’, *čirppi* ‘серп’, *pertti* ‘изба’, *tylččy* ‘тупой’), в ведлозерском же диалекте ситуация от говора к говору меняется²². Х. Оянуу объясняет такое представительство явления тем, что на данной территории довольно сложно уловить разницу между геминатой и одиночным согласным²³.

Существенное фонетическое отличие консонантных систем описываемых диалектов обнаруживает дистрибуция свистящих и шипящих согласных, выступающих / выступавших в определенных позициях. Так, представительство согласных *s*, *š*, *z*, *ž*, находящихся в положении перед переднерядными гласными в южнолюдиловском диалекте (*sidoda* ‘завязать’, *syvä* ‘глубокий’, *käzi* ‘рука’), значительно отличается от севернее расположенных диалектов людиловского наречия (*šidoda*, *šyvä*, *käži*)²⁴, однако, совпадает с ливвиковской картиной явления. В позиции же после гласного *i* дело обстоит следующим образом: если в людиловских диалектах, за исключением пряжинских говоров, ощутивших на себе значительное ливвиковское влияние, здесь повсеместно встречаем шипящий *š* (*ištuu* ‘он сидит’), то на большей территории распространения ливвиковского наречия, в том числе в ведлозерских говорах, обнаруживаем свистящий *s* (*istuu*)²⁵. Напр., **влз.:** *kaunistua* ‘украшать’, *puistua* ‘вытряхивать’, *mustau* ‘он помнит’, *pystäy* ‘колет’, *kolmetostu* ‘тринадцать’, *kuldastu* ‘золотой’ парт. ед., *myöhästy* ‘поздний’ парт. ед.; **юлд.:** *muštau*, *pyštäy*, *kolmetošte*, *kuldašte*, *myöhäšte*; **но** *kuldastu*, *myöhästy* (Пряжа). Дистрибуция согласных *z* и *ž*, находящихся в положении после гласного *i*, происходит аналогичным образом (см. напр., Атлас: к. 82, 84, 98), напр.: **влз.:** *andazin* ‘я бы дал’, *eläzin* ‘я бы жил’, *tulizin* ‘я бы пришел’, *endizet* ‘прежние’, *kuldaizet* ‘золотые’, *möyhäizet* ‘поздние’, *toizet* ‘другие’, *pagizou* ‘он говорит’, *pyзуу* ‘он держится’, *seizou* ‘он стоит’, *viizi* ‘пять’; **юлд.:** *andaižin*, *eläižin*,

²² ДАКЯ. Карта 54–57.

²³ *Ojansuu H. Karjala-anuuksen äännehistoria*. Helsinki, 1918. S. 14.

²⁴ См.: *Баранцев А. П.* Указ. соч. С. 71.

²⁵ ДАКЯ. Карта 80.

tuliižin, endižet, kuldaižet, myöhäižet, toižet, pagižou, pyžyu, seižou, viiži, но andazin, endizet, kuldazet, myöhäizet, toizet, viizi (Пряжа).

Критерий твердости и мягкости согласных в отдельных случаях также маркирует анализируемые диалекты. Согласно А. П. Баранцеву, палатализация согласных в святозерской группе говоров значительно менее распространена, чем на остальной территории людиковского наречия и охватывает только дентальные согласные²⁶. Так карта Атласа № 102 четко показывает разницу между описываемыми диалектами. Карта рассматривает представительство смычно-взрывного *t* в начале слова в положении перед гласным *e*, когда в ливвиковском наречии выступает твердый (*tedri* ‘тетерев’), а в людиковском мягкий согласный (*t’edri*)²⁷. В позиции перед гласным *i* ситуация аналогичная, однако, отдельные ливвиковские говоры, в том числе и говор дер. Маньга, обнаруживают мягкий согласный (*t’ie* ‘дорога’)²⁸. Напр., влз.: *teähti* ‘звезда’, *tiedäy* ‘он знает’, *pidi* ‘он держал’, *vedi* ‘он возил’, *annettih* ‘они дали’, *elettih* ‘они жили’; юлд.: *t’iähti, t’iedäy, pid’i, ved’i, andet’ih, elet’ih, но pidi, vedi, andettih, elettih* (Пряжа).

Одним из основных фонологических отличий ливвиковского и людиковского карельских наречий является представительство консонантной альтернации, т. е. чередования ступеней согласных, заключающегося в выпадении или замене смычно-взрывных согласных компонентов слова другими согласными²⁹. В данном случае граница между наречиями и, соответственно, описываемыми диалектами проходит четко. Количественное чередование, распространяющееся на смычно-взрывные геминаты и заключающееся в их сокращении до одиночного согласного, представлено в обеих группах говоров одинаково. Напр., влз.: *loukku* : *loukud* ‘льномялка : льномялки’, *l’ettu* : *l’etut* ‘блин : блины’, *rippuo* : *ripun* ‘висеть : я вишу’, *očši* : *očas*; юлд.: *n’okke* : *n’okaz* ‘край : в краю’, *vuottada* :

²⁶ Баранцев А. П. Указ. соч. С. 21.

²⁷ ДАКЯ. Карта 102.

²⁸ Там же. Карта 103.

²⁹ Там же. Карта 58–68.

vuotat ‘ждать : ты ждешь’, *čurpu* : *čurus* ‘угол : в углу’, *päčči* : *päčis* ‘печь : в печи’.

Качественное чередование в ливвиковском наречии затрагивает одиночные смычно-взрывные согласные *g*, *d*, *b* и сочетания согласных, содержащие их в качестве второго компонента, напр., **влз.**: *regi* : *riet* ‘сани’ ном. ед. : ном. мн., *maido* : *majjos* ‘молоко : в молоке’, *vedo* : *vevot* ‘вывозка : вывозки’, *huabu* : *huavat* ‘осина : осины’, *särgi* : *särril* ‘плотва : у плотвы’, *valdu* : *vallal* ‘воля : на воле’, *rindu* : *rin-nal* ‘грудь : на груди’, *temboan* : *temmata* ‘я схвачу : схватить’. Выдающейся особенностью людиковских диалектов, в сравнении с ливвиковскими, является отсутствие в них качественной альтернации, напр., **юлд.**: *vedo* : *vedod* ‘тяга : тяги’, *huob* : *huobad* ‘осина : осины’, *dälgi* : *dälged* ‘след : следы’, *kulde* : *kuldas* ‘золото : в золоте’, *rand* : *randas* ‘берег : на берегу’. Утрата качественной альтернации людиковским наречием объясняется влиянием вепского языка³⁰.

Описание основных маркирующих признаков карельских говоров, располагающихся на столь близком расстоянии друг от друга, но относящихся к разным наречиям карельского языка, подтверждает уникальность выбранной для исследования территории. Анализ показал, что непрерывные контакты между ливвиковским и людиковским населением описываемой территории, однако, не существенно сказались на особенностях их фонетических систем. Исключением являются ливвиковский говор дер. Маньга, сохранивший незначительное количество следов людиковского влияния, а также пряжинские говоры, обнаруживающие существенное влияние ливвиковских говоров как в вокалической, так и консонантной системах, что и стало основанием для правомерного выделения А. Туруненым особого пряжинского диалекта людиковского наречия (**Saavan Prääsä**), а также **пряжинской подгруппы (Terun Prääsä)**, отличной от святозерской в описываемом диалекте³¹. Основным фонологическим маркером, не позволяющим, однако,

³⁰ См. подробнее: *Новак И. П.* Становление альтернативной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск, 2014. С. 102–129.

³¹ См.: *Turunen A.* *Lyydiläismurteiden äännehistoria* I. S. 28–29. Согласно классификации Турунена, описываемая группа говоров относится к среднелюдиковскому диалекту людиковского наречия карельского языка.

относить пряжинские говоры к ливвиковскому наречию, является представительство в них консонантной альтернации.

Приложение³²

Расшифровки экспедиционных материалов³³

Карелка 1940 г. р., ур. дер. Плоскозеро (Hedočišto),
дер. Святозеро (Pyhäarvi)³⁴
ФА³⁵ 3737, 3738

– *Olettoگو Työ karjalaine?*

Да.

– *I Teijän vahnembat karjalazetgo oldih?*

³² Для приложения к статье выбраны наиболее показательные и интересные с языковой точки зрения образцы речи: первые два интервью записаны от наиболее старших из опрошенных информантов, коренных жителей с. Святозеро (людиковское наречие) и с. Крошнозеро (ливвиковское наречие). Третье записано от носительницы ливвиковского наречия, проживающей на протяжении нескольких десятилетий в людиковской деревне, в результате чего ее идиолект представляет смешение двух наречий карельского языка. Четвертое из предложенных интервью отражает речь одного из самых молодых из числа опрошенных в ходе экспедиции карелов.

³³ Расшифровки подготовлены И. П. Новак и Н. В. Мичуровой.

³⁴ В тексте расшифровок используется упрощенная финно-угорская транскрипция, отражающая все перечисленные в статье фонетические особенности описываемых говоров. Палатализация переднеязычных согласных в фонетически обусловленной позиции дополнительно не отмечается, поскольку не обнаруживает существенных отличий на уровне анализируемых диалектов. Исключением является первый из приведенных образцов карельской речи, записанный от носительницы южнолюдиковского диалекта карельского языка, выделяющийся на фоне остальных представленных текстов обилием мягких дентальных согласных, выступающих в положении перед гласными *i*, *e*. Поэтому было принято решение отразить эту особенность в расшифровке.

³⁵ Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Kai karjalaižet oli: buabot, d'iedot, muamot, tuatot. A tuattod minä en t'iedä. Puoli vuotte oli kui voine zavod'iheze, ga sid sinne hävii.

– *A oligo Teil sizärdy, velli?*

Velli oli. Yksi velli oli. Velli kuoli jo seiččie vuotte tomu nazad. Nygy d'iaïn minä yksinä, no plemännikät täs, vellen lapset. Brihačču eläy täs kyläs, ka sid harvah kävytäh t'iedustamah.

– *A miehele kunne Työ menittö?*

Miehele minä... Myö elimme jälges Hedočištod Ližmil. Sigä minä i miehele menin. Sid sigä oli polevodčeskoi brigada. Se salvat't'ih. Sid tänne tulimme elämäh. Sid zverofermal minä dostalin igän ruadoin penziessua.

– *A Teijän mužikku?*

Stroit'el'.

– *A ongo häi karjalaine?*

Korennoi karjalaine.

– *Pagizettogo työ karjalakse?*

Karjalakse pagizimme, a nygy ei. Jo seiččie vuotte eulo ukkod.

– *Äijygo lastu teil on?*

Kaksi... Tämä tytär nuorembi i poige. Poigal viižikymmen nel'l' vuotte rod'ii, a tyttärel viižikymmen yksi rod'iheze. Poige eläy täs kyläs, a tytär eläy Belomorskoi rajonas.

– *Paistahgo lapset karjalakse?*

Ga ei jo pagiže Lida. Poige pagižou. Neveske pagižou. Hyö, kačo, kazvet't'ih. Vellel oli akke beloruska i ukon vellel oli akke belorusska. Sigä Ližmil konze elimme, lapset pagišt'ih heid'en ven'akse i meid'en sid.

– *Ongo poijal lastu?*

Bunukke yksi on, poige on. Häi jo eläy Leningradas. Kaksikymmen viiži vuotte on. Sigä en t'iedä, mittumas zavodas häi. Ruadoh ustrojijeze sigä. Naizis on, a eulo vie laste.

– *A vunukku pagizougo vai ellendäygo?*

Ei jo. Elgendäy, možet, elgendäy, ga ei pagiže.

– *A konzu Työ olitto lapsennu, saigo kois paista karjalakse?*

Myö emme maltannu ven'akse ni az, ni glaz, pi pomilui nas. Dälges voinad tuli sevoitar, minun igäine oli. Häi oli voinan aigah muamahke Puudožskoi rajonas, a myö olimme okupacies, sanot't'ihhäi. Svirispäi, kui

mama aivin saneli, što Svirissua menimme, sid Sviris finnat jo zaimit't'ih. Meid'e työt't'ih dārilleh, tänne tulimme. Tuli se neičykke, Val'a sevoitar. Häi pagizou ven'akse, minä karjalakse. Minä hänte vedän mandžoit syömäh, häi ei lähte. D'eduška perevod'i. Minule sanou: «Älä koske hänte. Häi iče tulou». Minä sanon: «Ei tule!». A sid dälgrimäi kuni häi eli meid'enke, sigä Hedočištos buaboin da d'iedoinke, ei t'iedäny, uskot, ven'akse nimi-dä. A sid, kačo, tänne tuli, muamoh miehele meni, tože učit'el'ale, a sid häi enämbäiže ven'akse kul'turnoimbi pagiži kui minä. Minä enämbälleh karjalakse. Meid'e opastet't'ih suomekse, kai old'ih predmietät suomekse. A sid šestoisgo kluusas liennöy azut't'ih kai predmietät ven'akse. Sid vmesto ven'an и:n panet suomen u:n i kakkone. Istu kakkone!

– *Konzu ven'an kieli tuli školah, oligo jygei opastuo?*

Dak ven'akse... kačo, meil hot' kai predmietät old'ih suomekse, ga ven'akse oli lit'eratura da pis'mennoi oli, ga muga maltoimme ved' pagišta. A kirjuttada... sidä, konečno, panet finskoin bukvaižen keskučče da sid ošibočka.

– *Nygöi täs kyläs kenenke Työ pagizetto karjalakse?*

Nu vot, minun vozrastas... vaste ei ammui oli täs minun kyläspäi Val'a-nimelline inehmine. Hänenke da sid kedä on täs, ked ollah karjalaižet.

– *Kusbo karjalan kielder suau kulta: pihal, laukas, kus?*

Ka laukas oldah prodavcat nuoret, sigä kai ven'akse pagištah. Heil oldah muamot da tuatot karjalaižet, ga hyö ven'akse. Sid laukas ven'akse pidäy. Enne kävyimme laukkah konze, oli aige, tulet, karjalakse pagižet. Ette malta ven'akse – štob ette pagižiš. Olihäi yksi aige, što zapret'it't'ih karjalakse pagišta. Vot sid semmoižet d'ielot meile oldah.

– *A midä mielder Työ oletto, rubieugo karjalan kieli elämäh ielleh?*

En jo t'iedä, rubedaugo elämäh vai ei rubeda.

– *Pidäygo, gu karjalan kieli olis?*

Ka minule nygy, vahnat vs'o rovno on. Ka vot nuorile, bunukoile da ked oldah täs... Ka lapset, naverno, kai pagištah ven'akse. Minä en kuule, štob lapset pagištaš karjalakse.

– *Kusbo Työ ruavoitto?*

Zverofermal. Ezmäi ruadoin mie polevodstvas, kartofel' da sid midä sigä pid'i, zernovoit kazvatet't'ih da, heinät niit'imme da kai, a täs, zverofermal. Zvierid oli. Zverosouhoze. Sigä norkat syöttäi pid'i,

juottai. Ubiraita heid'en sigä kletkat da kai. A sid sygyzel zabo i škurkat pušninan, nečen, en t'iedä Leningradas kus myöd'ih. Sid uud'istada ištutetah sinne.

– *Midäbo tiä peldoloil kazvatettih?*

Rugište kazvatet't'ih. Minä zavod'iin ruadon... sid vaike oli rugište. A dälgrimäi, no midä, kagre neče siilosikse hernehenke segai kuivetai. No sid kazvatet't'ih kai nenit korneplodit, turnepsat, ogurcat parnikois kazvatet't'ih, i nenit, saharnoit cvetat kormovoit, zvieril tänne vedet't'ih, kartoškat.

– *A pelvastu kazvatettihgo?*

Pelvaste ei kazvatettu. Pelvaste kazvatet't'ih vie oli kolhozat, sid vai kazvatet't'ih oma iče. Vot, meil oli pandu pala pelvaste, sid oli liinat, omah iččeh niškoi. Sid net ruat't'ih, nečis, kod'is, ezmäi kuivat't'ih, sid čikutat nenga, savakol sil, sid mama hard'adau i zdait't'ih, i kudot't'ih ičele käzipaikkad sid da kai. ... A liinat se oli, ga sid d'eduška iče net obrativaiči, iče kežräži sid, kuduoi verkuoid. Iče d'eduška net liinat kai azui langakse. Sid verkod kuduoi. D'engad eulo verkod ostai, sid iče azui kai.

– *Oligo teil žiivattua?*

Lehme oli mamal dai meile. Minä, konze, neče, azut't'ih fat'ieru, otd'el'no läht'imme, konze muatuškaspäi eronimme, sid lehme oli, sid enzivuoden oli poččihžet da sid lambaste oli da, kanat...

– *A lehmiä mil syotettih?*

Ka kartofeit... sih niškoi päččih padan panet kartoškat, sid net juomižeh, kombikormat ostelimme da heinät ližäkse.

– *Heiniä ičego niitittö?*

Iče, konečno, kenbo niit't'i? Iče myö niit'imme, a lapset babuškuidenke kuivat't'ih, haravoidenke. Kaikil oli ruadod.

– *A sanokkua, midä enne syödih, keittetih, pastettih?*

Ka paštet't'ih kod'is, ende mama, naprimer, minä ei leibäd paštan, a mama paštoi silloi vie, leibäd iče kod'is taiginas segoitet't'ih, a muite piirait da pyöröit. ... Mama, muiten hyö oset't'ih kagran krupat i vie net päčis pariu padas, sid kuivada prot'ivoil. Sid net pidäy d'auhoda. Niilöis azut't'ih taukunat. Pačkuis olda ei semmoit, no kod'is on parembaižed. Vot niilöid pid'i vie d'auhoda kivel. Sid vie azut't'ih nečis jäčmenäs. Jäčmenät kazvatet't'ih iče, se vot jäčmennöit taukunoid

i niilöis tože. Huondeksel, konze aigembi pidäy mamale, sid keittäy kuaššaižen taukunal, sid syömme da ruadoh, kedä kunnegi. Ruadottah ei suanu ištuda. Meil, kačo, tuattod ei olnu, ga sid d'iedonke. Sid minul pid'i aivin olda d'iedonke. I halgod pilidä i d'iedo parkid kiškou, minä lehtekset kerädän kod'ih lambahile. Sid vedän net kod'ih, kyläh, sid kuivadan parkid, i tädä, oli sel'pos prijomnoi punkte, sinne zdaijiin prijomnoih punktah. Sid aivin pid'i olda mečas. A nygy kačot d'evuškat da brihat vai piippu suus käveltäh. Eule midä ruata, vot. Et midä azu. Aige menöy...

– *Midäbo Työ pastatto päčis?*

Minä nygy nimidä. Toiči, konze lämmitän enämbän, ga piiraid, tahtahaste piiraid, valgeda. A nastojaššoid piiraid harvah. Keit'ipiiraid, konečno, azuttelen, a nenid kartoškapiiraid ammui jo en. Tuldah, sid heidän aigah vie azun. A muite... Yksin olen, ga midä minule pidäy.

– *Sanokkua minul, kui keitinpiirait luadie? Hyvät ollah, a iče en malta...*

Ka tahtaste etgo malta azuda?

– *Kui? Pidäygo drožžit panna?*

Drožžit, ei pidäs niilöih. Ken kui azuu. Ken azuu, što voit ostau pačkaižen, voit, sid jäičät i sih tahtahan azuu, a minä maidonke segoitan. Sid panen peskut, siemenvoit sinne, suolad. Sit toiči jäičän panen, a toiči muga. Sid tahtahan obiknovenno kui sinule pidäy azut. Kuoret midä hoikembat, sidä parembi.

– *I peskuugo sinne pannah?*

Peskud libo riisud keittädä, libo pšenat. Sid rieht'iläle, voit siemenvoil, da sid piiraid otat rieht'iläle. Sid toižed čurad.

– *A nenne kartohkupiirait?*

Kartohkapiiraid, minä tože azun konzegi kui tahtahan. Konzegi azun maidoh, konzegi on vähäine ga kandateste panen.

– *Jauhuo mittustu pidäy ottua?*

Rugehiste.

– *Kai rugehizet... Pidäygo valgiedu panna?*

Ken kui panou. Ken segoittau stolal, sid vähäižen vout panda, što olis parembi ajelda. Minä ende en pannu, a täs nygöi rugehen vähäižen panen, sidhäi parembi pyžytäh kuoret.

– *A jäiččią?*

Jäiččäd en minä pane rugehižeh kuoreh. ...Voit peskud panna vähäižen, štob oliš parembaine.

– *Midä kartouhkanke pidäy ruadua?*

Kartohkad kui pidäy, kuorittada da sid pyren azut, survot. Keität da survot da.

– *Pidäygo maiduo da voidu panna?*

Ka pyre kuibo azut? Maidod pannah libo void sinne enämbäine. Sid piiraile piäle konze panet, kuorele piäle, sid vie kandateste, kandatekseh jäičče libo prosto muga, ei kuorele, a kartohkale piäle. Sid päččih, prot'ivole. A sid päčispäi otat, sid voidat sulatul voil.

– *Passibo!*

Ei ni mil!

– *Вы карелка?*

Да.

– *И Ваши родители были карелами?*

Все карелы: бабушки, дедушки, мамы, папы. Папу я не знала. Полгода было, когда началась война, так там пропал.

– *А были ли у Вас братья, сестры?*

Брат был. Один брат был. Брат умер уже семь лет тому назад. Теперь осталась я одна, но племянники здесь, дети брата. Племянник живет в этой деревне, но редко приходят навещать.

– *А замуж Вы где вышли?*

Замуж я... Мы после Плоскозера жили в Лижме. Там я и замуж вышла. Потом там была полеводческая бригада. Ее закрыли. Потом сюда переехали жить. Здесь я всю жизнь проработала на звероферме до пенсии.

– *А Ваш муж?*

Строитель.

– *А он карел?*

Коренной карел.

– *А Вы разговариваете на карельском?*

На карельском разговаривали, а сейчас нет. Уже семь лет как нет мужа.

– *Сколько у Вас детей?*

Двое... Дочка младшая и сын. Сыну исполнится пятьдесят четыре года, а дочке пятьдесят один. Сын живет в этой деревне, а дочка в Беломорском районе.

– *Говорят ли дети по-карельски?*

Да Лида не говорит. Сын говорит. Невестка говорит. Они, смотри, росли. У брата была жена белоруска, и у мужа брата жена была белоруска. Там в Лижме когда жили, их дети разговаривали по-русски и наши тоже.

– *У сына есть дети?*

Один внук есть, сын. Он уже живет в Ленинграде. Двадцать пять лет ему. Там не знаю, на каком заводе. На работу устроился туда. Женат, а детей еще нет.

– *А внук говорит по-карельски или понимает?*

Да нет. Понимать, может, понимает, но не говорит.

– *А когда Вы были ребенком, разрешалось ли дома разговаривать по-карельски?*

Мы не умели по-русски ни аз, ни глаз, ни помилуй нас. После войны приехала сестра двоюродная, моего возраста была. Она во время войны была с мамой в Пудожском районе, а мы жили в оккупации, говорили ведь. Из Свири, как мама всегда рассказывала, что до Свири дошли, там финны уже Свирь заняли. Нас отправили обратно, сюда вернулись. Приехала та девушка, Валя, двоюродная сестра. Она говорит по-русски, я по-карельски. Я ее веду клубнику есть, она не идет. Дедушка переводил. Мне говорит: «Не трогай ее. Она сама придет». Я говорю: «Не придет!». А потом пока она жила с нами, там в Плоскозере с бабушкой и дедушкой, веришь, ничего не знала по-русски. А потом, смотри, сюда приехала, ее мама замуж вышла, тоже за учителя, а потом она больше по-русски говорила, покультурнее. Я больше по-карельски. Нас учили и по-фински, все предметы на финском языке. А потом, кажется, в шестом классе, сделали все предметы на русском. Потом вместо русской «и» напишешь финскую «и» и двойка. Садись, двойка!

– *Когда русский язык пришел в школу, было ли трудно учиться?*

Так по-русски... Смотри, у нас хоть все предметы были на финском, но на русском языке была литература и письмо, но так умели ведь разговаривать. Писать... это, конечно,... напишешь финскую букву в серединку и ошибочка.

– *Теперь в этой деревне Вы с кем разговариваете по-карельски?*

Ну вот, в моем возрасте... Совсем недавно была здесь из моей деревни женщина по имени Валя. С ней говорю и потом кто здесь есть, кто карелы.

– *А где карельский язык можно услышать, на улице, в магазине, где?*

Ну, в магазине продавцы все молодые, там все на русском разговаривают. У них мамы и папы карелы, а они по-русски. Там в магазине на русском надо. Раньше ходили в магазин когда, было время, придешь, по-карельски разговариваешь. Не умеете, по-русски – чтоб не разговаривали. Вот такие дела у нас.

– *А как Вы считаете, будет ли жить карельский язык дальше?*

Ну, не знаю, будет ли жить или нет.

– *Нужно ли, чтобы карельский язык был?*

Но мне теперь на старости лет все равно. Но вот молодым, внукам и кто здесь есть... Но дети, наверно, все говорят по-русски. Я не слышу, чтоб дети разговаривали по-карельски.

– *Где Вы работали?*

На звероферме. Сначала работа я в полеводстве, картофель и что там еще надо было, зерновые выращивали и сено косили и все, а тут, на звероферме. Звери были. Зверосовхоз. Там норок кормить нужно было, поить. Убирать их клетки и все. А потом осенью забой и шкурки пушнины, этой, не знаю, в Ленинград, где продавали. Потом опять туда сажали.

– *А что здесь на полях выращивали?*

Рожь выращивали. Я начала работать... тогда только рожь была. А потом, ну что, овес этот на силос вперемешку с горохом сушат. Но потом выращивали все эти корнеплоды, турнепс, огурцы в парниках выращивали, и эти, сахарные цветы кормовые, для зверей сюда привозили картошку.

– *А лен выращивали?*

Лен не выращивали. Лен выращивали, еще колхозы были, потом выращивали для себя. Вот у нас был посажен участок льна, потом была конопля посажена для себя. Потом их обрабатывали здесь, дома вначале сушили, потом мяли так, палкой этой, потом мама вычесывает, и сдавали, ткали для себя полотенца здесь и все.

– *Была ли у Вас скотина?*

Корова была у мамы и у нас. Я когда, это, квартиру дали, отдельно пошли жить, когда от матушки отделились, тогда корова была, затем в первый год были поросята и потом овцы были и куры...

– *А корову чем кормили?*

Ну, картошкой... для этого в печку горшок с картошкой положишь, затем это в питье, комбикорм покупали и сено вдобавок.

– *Сено сами заготавливали?*

Сами, конечно, кто же еще? Мы косили, а дети с бабушками сушили, с граблями. У всех была работа.

– *А скажите, что раньше ели, варили, пекли?*

Так пекли дома, раньше мама, например, я хлеб не пекла, а мама пекла тогда еще, хлеб сами дома из теста замешивали, а так пироги и ватрушки... Мама, а так они покупали овсяную крупу и еще ее в печке в горшке парит, затем сушит на противнях. Затем ее нужно помолоть. Из этого делали толокно. В пачках не такие, но дома лучше. Вот их нужно было еще на жерновах помолоть. Затем еще делали из ячменя. Ячмень выращивали сами, это вот ячменное толокно, из него тоже. Утром, когда маме нужно было пораньше, тогда варит кашу на толокне, потом поедим и на работу кто куда. Без работы нельзя было сидеть. У нас, смотри, отца не было, мы с дедом. Тогда все время приходилось быть с бабушкой. И дрова пилить, и бабушка ивовое корье сдирает, а я ветки домой для овец собираю. Потом отношу домой, в деревню, затем сушу ивовое корье и это, был в сельпо приемный пункт, туда сдавали в приемный пункт. Здесь всегда приходилось ходить в лес. Теперь смотришь, девушки и парни с сигаретой во рту ходят. Нечего делать, вот. Нет работы, вот. Ничего не поделаешь. Время идет...

– *А что Вы в печи печете?*

Я теперь ничего. Иногда когда растоплю посильнее, то пироги из дрожжевого теста, белого. А настоящие пироги редко. Пироги для зятя, конечно, готовлю, а эти пироги с картошкой уже давно не пекла. Приезжают, тогда для них пеку. А так... Одна я, что мне надо?

– *Расскажите мне, как пироги для зятя готовить? Вкусные они, а сама не умею...*

Тесто не умеешь что ли делать?

– *Как? Нужно ли дрожжи добавлять?*

Дрожжи, не нужно бы. Кто как делает. Кто делает, что масла покупает пачку, масло, потом яйцо и из этого тесто делает, а я с молоком замешиваю. Затем кладу сахар, подсолнечное масло туда, соль. Иногда яйцо кладу, а иногда так. Потом тесто обыкновенное как тебе нужно делаешь. Корочки чем тоньше, тем лучше.

– *И сахар кладут туда?*

Сахар или рис сварить, или пшено. Затем на сковородку, можно на растительном масле. Затем пироги на сковородку. Затем другую сторону.

– *А эти пироги с картошкой?*

Картофельные калитки я тоже готовлю, когда как тесто делаю. Когда замешиваю в молоко, когда есть немного сметаны кладу.

– *А муку какую нужно использовать?*

Ржаную.

– *Вся ржаная... нужно ли белую добавлять?*

Кто как кладет. Кто замешивает на столе, тогда можно немножко добавить, чтоб корки лучше катать. Я раньше не клала, а теперь, вот, ржаную немножечко кладу, поэтому корки лучше, плотнее.

– *А яйцо?*

Яйцо я не кладу в ржаные корки.

– *А что нужно с картошкой делать?*

Картошку как надо, почистить и потом пюре сделать, намнешь. Сваришь и намнешь.

– *Нужно ли молоко и масло добавлять?*

А пюре как ты сделаешь? Молоко наливают или масла туда побольше. Потом когда сверху на пирог положишь, на корку, затем

еще сметану, в сметану яйцо или просто так, не на корку, а сверху на картошку. Потом в печь на противне. А когда из печи вынимаешь, смазываешь растопленным маслом.

– *Спасибо!*

Не за что!

Карелка 1929 г.р., ур. дер. Спиридон-наволоок (Pirdoiniemi),
с. Крошнозеро (Nuožjärvi)
ФА 3734

– *Olettogo Työ rodivunnuh täs kyläs?*

Täs kyläs mami kai lapset sai, seiččeitostu lastu. Frontal oli kaksi. Minä četire kluassua tiä lopiin, nelli kluassua, a sit, kačo, voinu zavodih. Sit jälles enbo voinnuh uččiekseh, ei suannuh, evakuacii oli Arhangelsoin oblastih, Plesetskii rajon, v derevne Ščykozero olimmo myö sie evakuacies. Sit neče, stanciele puutuimmo, sit pakiččemah kävyimmö. Vojennoi ešelon ajauhäi Vologdas da nečis ajau sit, net ollah nälğähizet. A vot, ku nečis Kirovaspäi tulou pojezdu, vojennoit sit, toinah annettih meile leibiä. A minul oli velli, nuorembi minuu, sit toinah sai. Sit meile oli hyvä eliä. Sie, kačo, normuhäi annettih. Myö olimmo pienet. Mamil vie kaksi lastu rodih – pikkaraizet brihaččuizet. Net sinne kuoltih. Seiččeitostu lastu sai.

– *Ongo Teijän mužikku täs kyläspäi?*

Minun mužikku ammui jo on kuolluh.

– *Oligo häi täs kyläspäi?*

Ei, ei. Häi Vedlozerskois oli. Häi tiä dorožnois ruadoi, dai minä ruavoin dorožnois. Sit poznamomilis, a sit yhtyimmö.

– *A kus Teijän lapset eletäh?*

Lapset eletäh... Tytär eläy Kostomukšas, a poigu linnas.

– *Olettogo Työ karjalaine?*

Minä karjalaine olen.

– *A Teijän vahnembat oldihgo karjalazet?*

Kai karjalaizet.

– *Kenenke täs kyläs Työ pagizetto karjalakse?*

Sosiedkalluo kävyn. Sie pagizemmo myö karjalakse.

– *Ainosgo?*

Ainos karjalakse. Ven'an sanua da nimittumua sanua emmo pane. Oma kieli mejän on karjalaine. Karjalan sanua emmo unohta ni yhty. Elaigua ainos pagizemmo.

– *Kusbo Työ ruavoitto voinan jälles?*

Minä tel'atnicannu täs kyläs. Tel'atn'u jo on otettu. Kolmekymmen viizi vuotta, enämbän ruavoin, en ruohtinuh ottua ni yhty. Vazoi po kilogrammu privesi davala, rabotala. Ruaduo lyybiin. Minä lyybiin, kai mami čakkuau, midä nenga hätken. Viehäi vaza zaboleičči toiči, a sit hot' kui. A vot, kačo, midä ruattih. ...

– *Konzu Työ olitto lapsennu, saigo paista karjalakse?*

Kuib en. Nygöihäi karjalakse pagizen.

– *Paistahgo Teijän lapset karjalakse?*

Kui ei. Nygöi suovattan tulou poigu dai tytär tulou. Hyö karjalakse paistah minun kel.

– *Ongo Teil bunukkua?*

Bunukkua minul on, vuota, tyttärel on kaksi poigua da tytär, a poijal on kaksi – tytär da poigu. Linnas eletäh. A tämä Kostomukšas eläy, tytär.

– *Paistahgo bunukat karjalakse?*

Bunukat ei, a tytär da poigu karjalakse paistah. Bunukat vähäizel, naverno, ellendetäh. Hyö ollah ven'alaizet.

– *A midä mielädy oletto, ruvetahgo ielleh pagizemah karjalakse?*

A en tiiä. Nygöi podružkal nečis on kodi. Hänellyö ainos karjalakse, ainos pagizemmo libo kus, ga karjalakse.

– *A nuoret ruvetahgo pagizemah?*

Meijän poigu hyvin pagizou dai tytär, a lapset ei. Neče oli, Van'a, tämä poijan, vunukku. Minä sanon: «Van'a, davai opastan karjalakse!» «Čto eto takoje?» – sit gu olis ven'akse sanuo, ven'alaine gu on.

– *Konzubo oli parembi eliä, enne vai nygöi?*

Nygöi on parembi, minä duumaičen. Enne kačo vai, nečis oldih kai pellt nenet, kai pandih vil'l'ua enne voinua, sit hernehty. Sit kai kävyimmö hernehty sinne ottamah, lapsinnu olimmo...

– *Midäbo karjalazet syödih enne, midä pastettih?*

Oi, karjalaizet pastettih, raukku... Pyhäpäivy tulou, ga sit ku piirai, sit ku pyöröi, sit ku sulčinat, libo hapoit.

– *Kuibo sulččinoi pastetah?*

Pastetah neče kuori. Sit kuaššua azutah da sit sinne pannah.

– *Kuibo taiginua luajittih?*

Taigin? Taigin sevoitetah illal. Ennehäi meile, kačo, kolhoz oli, ga ainos pastua pidi mamil. Sevoitetah illal, sit taigin nouzou, sit sih ližätäh jauhuo. Sit pyöröit pastetah nengomat i kartouhkua pannan libo mittumuatahto krupua nenii. Oi, enne pastettih, raukku, dai sul’činat, dai... Pyhinpäivin ga sul’činat dai piirait dai...

– *Midäbo päčis keitettih?*

Päčis sie pastettih enne, da sit pandih suoppu sinne kiehumah, liha. Dai siehän kiehuu dai jo syvvä. Murginua syömmö.

– *Kedä žiivattoi enne piettih?*

Enne piettih lehmii, lammastu, poččii. A lammastu äijin piettih. Myö tože.

– *Milbo niilöi syötettih?*

Pannah konzu vahäine hot’ otrubii libo heiniä. Minä mamin kel kežräin. Mami opasti. Sit kežräin mittumua langua, ga... Vie nuori olin. Dai kuvoin paidua dai alaizii dai noskii dai kai.

– *A kuibo kuvotah?*

Viijel nieglal. Nelli panet, pujoitat nenit, a sit viijendel vai kuvo. Kuvoin, velli, noskua, alastu, kouffat, kai kuvoin. Minuu mami opasti kai.

– *Maltattogo kirjoindua?*

Minä en malta, a kuvoin, nečida, nenii, kui sanotah, pieluksii nenga. Sit sen puutammo da vie, nečidä, sydämeh panethäi sit dai nenga tože azuimmo niegloil. A sit net puutammo. Oi, hyvä oli ylen.

– *A sanokkua, midäbo enne ogrodas kazvatettih?*

Myö ogorodas kazvatimmo morkoufkua, laukkua. Ijän kaiken kartouhku, minul netuamba oli peldo suuri, a nygöi, tänä vuon, en ruvennuh panemah.

– *Voizittogo pajattua karjalaine pajo, častušku libo midägi?*

A častushkan...

Menin pellol – päiviä pastau,

Menin toizel – räčkyttäy.

Pirdoiniemes pajo kuuluu,

Nast’ua miehel annetah.

Iče Nast'a olen, ga...

– *A vie midägi...?*

Älä, mamine, čakkaile
Päiväs kahtu kerdastu,
Roih vie sinul moin aigaine,
Et näi vuvves kerdastu.

– *A pajuo karjalastu?*

Pajuo karjalastu... En musta nimidä.

Lasketakkua brihat hevot,
Iče mengiä maguamah.
A mie lähten lehtisaduh,
Saduh kaivuo kaivamah.

Kaivoin, kaivoin minä kaivuo
Višnevoissa savussa.
Eigo tule čoma briha
Kaivoh vetty ottamah.

Ei, čoma neidine pidi sanuo. Olgah, en malta, unohtin jo kai.

– *Passibo Teile.*

– *Вы в этой деревне родились?*

В этой деревне мама всех детей родила, семнадцать детей. На фронте были двое. Я четыре класса здесь окончила, а потом, смотри, война началась. Потом после не могла учиться, нельзя было, эвакуация была в Архангельскую область, Плесецкий район, в деревню Щукозеро, были мы там в эвакуации. Потом, это, попали на станцию, потом попрошайничать ходили. Военный эшелон едет ведь из Вологды и здесь проезжает, там голодные. А вот как из Кирова поезд едет, военные вдоволь нам хлеба давали. А у меня был брат, младше меня, ему доставалось хлеба. Там нам было хорошо жить. Там, смотри, ведь норму давали. Мы были маленькие. У мамы

еще двое детей родилось – маленькие мальчики. Они там умерли. Семнадцать детей родила.

– *А Ваш муж родом из этой деревни?*

Мой муж уже давно умер.

– *Он был родом из этой деревни?*

Нет, нет. Он из Ведлозера был. Он здесь в дорожном работал, и я работала в дорожном. Потом познакомились и сошлись.

– *А где Ваши дети живут?*

Дети живут... Дочка живет в Костомукше, а сын в городе.

– *Вы карелка?*

Я карелка.

– *А Ваши родители были карелами?*

Все карелы.

– *С кем в этой деревне вы разговариваете по-карельски?*

Хожу к соседке. Там мы разговариваем по-карельски.

– *Постоянно?*

Постоянно по-карельски. Русские слова и никакие другие не употребляем. Наш родной язык – карельский. Ни одного слова по-карельски не забываем. О жизни все время разговариваем.

– *Где Вы работали после войны?*

Я телятницей в этой деревне. Телятню уже разрушили. Тридцать пять лет проработала, больше проработала, ничего не решалась брать. Телятам по килограмму привеса давала, работала. Работу любила. Я любила, даже мама ругает, чего так долго. Еще ведь теленок иногда заболевает, а потом хоть как. А вот, посмотри, что сделали.

– *Когда Вы были ребенком, разрешали ли говорить по-карельски?*

Как же нет. Сейчас ведь по-карельски разговариваю.

– *Говорят ли Ваши дети по-карельски?*

Как же. Теперь в субботу приедут сын и дочка. Они со мной разговаривают по-карельски.

– *Есть ли у Вас внуки?*

Внуки у меня есть, подожди, у дочки два сына и дочь, а у сына – дочь и сын. В городе живут. А эта в Костомукше живет, дочка.

– *Говорят ли внуки по-карельски?*

Внуки нет, а дочь и сын говорят по-карельски. Внуки немножко, наверно, понимают. Они русские.

– *А как Вы думаете, будут ли и дальше разговаривать на карельском?*

А не знаю. У подружки здесь есть дом. У нее всегда по-карельски, всегда говорим или еще где, так по-карельски.

– *А молодежь будет ли говорить?*

Наш сын хорошо говорит и дочка тоже, а дети нет. Этот был, Ваня, сына, внук. Я говорю: «Ваня, давай научу карельскому!» «Что это такое?» – ему бы по-русски говорить, русский ведь он.

– *Когда было лучше жить, раньше или сейчас?*

Сейчас лучше, я думаю. Раньше, смотри, были везде поля, до войны даже сажали зерновые, затем горох. Даже ходили туда горох собирать, детьми были...

– *А чем карелы раньше питались, что пекли?*

Ой, карелы пекли... Воскресенье придет, тогда и пироги, и круглые пироги с начинкой, и сканцы или кислопряженцы.

– *Как сканцы пекут?*

Выпекают корку. Потом кашу варят и туда кладут.

– *Как тесто делали?*

Тесто? Тесто замешиваю вечером. Раньше у нас, смотри, колхоз был, маме постоянно приходилось печь. Замесят вечером, затем тесто поднимается, потом туда добавляют муку. Потом круглые пироги выпекают такие и картошку кладут или крупу эту. Ой, раньше пекли, так пекли и сканцы и... По воскресениям и сканцы пироги и...

– *Что в печи готовили?*

В печке пекли раньше, потом ставили туда суп вариться, мясо. Там он прокипит и можно есть. Обедаем.

– *Какую скотину держали раньше?*

Раньше держали коров, овец, поросят. Овец помногу держали. Мы тоже.

– *А чем их кормили?*

Кладут хоть немного отрубей или травы. Я с мамой пряла. Мама научила. Пряла такие нитки что... Еще молодая была. И рубахи вязали, и рукавицы, и носки, и все.

– *А как вяжут?*

На пяти спицах. Четыре берешь, нанизываешь нить, а потом на пяти только и вяжи. Вязала носки, рукавички, кофты, все вязала. Меня мама всему научила.

– *Умеете ли Вы вышивать?*

Я не умею, а обвязывала эти, как называются, подушки так. Потом ее зашиваешь и еще, это, подушку набиваем и так тоже спицами обвязываем. Потом это зашиваем. Ой, хорошо было очень.

– *А скажите, что раньше выращивали в огороде?*

Мы в огороде выращивали морковку, лук. Всю жизнь картошку. У меня там поле было большое, а теперь, в этом году не стала сажать.

– *А можете ли Вы спеть карельскую песню, частушку или что-нибудь еще?*

А частушку...

Пошла на поле – солнце светит,

Пошла на другое – треск стоит.

В Спиридон-наволоке песня слышится,

Настю замуж выдают.

Сама Настя, так....

– *А еще что-нибудь?*

Не ругай меня, мамочка,

В день да по два раза,

Наступит у тебя такое времечко,

Не увидишь меня в год ни разочка.

– *А песни карельские?*

Песни карельские... Ничего не помню.

Распрягайте, хлопцы, кони,

А сами идите спать.

А я пойду в лиственный сад,

В сад колодец копать.

Копал, копал я колодец в вишневом саду,

Может быть, придет красивый парень

Зачерпнуть из колодца воды.

Нет, нужно было сказать красивая девушка. Ладно, не умею, уже все забыла.

– *Спасибо Вам.*

Карелка 1937 г.р., ур. дер. Афанасьева Сельга (Ahpoiselgä),
дер. Важинская Пристань (S'imaništo)
ФА 3745

– *Mibo tämän kylän nimi on?*

Tämä kylä on Važinskaja Pristan'.

– *Ongo se karjalaine nimi?*

No Važinskoi tože, nečidä sanottih.

– *Olettogo Työ karjalaine?*

Iče olen karjalane.

– *Sanokkua minul omas elaijas.*

Nu kuin minä sanon? Ahpoiselgäs eliin, sid linnas eliin, Petroskois. A sid tuliin otuskah, sid mužikanke vstretilis' i vot poženilis'. Häin Kaškanaspäi oli. Nu vot i potom mi žili skol'ko? Počti p'at'des'at' let... Sid kuoli. No häin oli ylen ruadokas mužikku. Häin, en tie, konzu otdihai, vobsče yöd dai päiväd sčitai ruadoi. Tämän kodin iče strojii, yksinä juuri. I potom, lehmäd kačoi. ...Lehmän kačoi, vie meččäh kävyi ruadoh. Nu rostom hot' mal'en'kii bil, no šustrii mužik. Dočka tože moine rodihes. Tože ruadokas, muzikan ruadod kai ruadau. Tože gribah meni, da kai ruadod, neče... To haugod piliy iče tytär.

– *Häi täs kyläsgo eläy vai ajalou linnaspäi?*

Häin eläy linnas. Hänel on kolme lastu. Brihačul on vahnembal kaksi kymmen nelli vuottu, toine on armijes, i tytär on, seiččietostu vuottu... Tuli täh, tože pili haugod, lesovožu halgod tuodih, tože häin pili polovinan, puolen lesovožan häin pili, a potom poigah tuli. Poigah ostal'noi pili. I haugod tože. Nu kai mužikan ruadod ruadau.

– *Ongo Teil vie kedä lapsis?*

Minul häin on yksi. Muudu nikedä ei ole jo. Abutetah kai ruadod i levot midä kai... Kartošku tože kaivettih, kaivoi häin. Da minä abutin kaivada, da sid kai kohtaizet pakottau, en voi nimidä jo nečidä abuttada. ... A muarjat tože häin minun joga vuottu kerädäy dai kai. Dai kartoškät

abutetah kaivada. Nygöi kanoid vie pidän. Koza oli. Sid mužikanke elimmö, ga oli kaksi lehmäd. Lehmii kävi mužikke iče paimeni vot täs yksinä eli. Nu, nečidä kuin sanotah, mužikke oli ylen hodovoi, i tytär tože, dai poigu oli muga... Tytär muarjah kävelöy do p'at'i, muarjah kävelöy mečas. Pol p'atogo ili kak četire prid'ot, tak tulou kodih iäreh. Tože pidäy, hot' mittuot den'gat suada. Lapset oldah. Tože kolme on. Yksi se ruadau briha, vahnembi, a nuorembi, ka armijes on. Ga midä abuttau? No se on tože kui diedo, ruadakas, jogo kohtaizen punaldau, dai tulou i niittäy peldod, nened niityd dai halgod dai kai vobsče. Minä i sanon: Sinä olet diedo. I pohoži oldah, fotografien vot toi muamoh, tože fotografien, kačon, ka pohože oldais diedonkel. I häin radujetsja, što diedoh on pohože. Lesotehnikum končil, vot eto. Tak tože jälgeh armijedu kunne ruadoh puuttuu. Ruadoloinke ei äijän olda. A vahnembi ruadau svarsčikannu, no tože ruadod eule zavodas, istutah sigä, a piässety ei. Hot' täs tulis ka ruadas midä tahto. A ruadamatta hyö ved' roittahes len'ivoit, jälgeh ei ruveta nin... Ka hot' iče konze divanal istun tože, jo ei himoita tože ruata, a muga häin oteta. Vot.

Nu jablon'at istutimmo diedonkel tože kai. Nenet jo omat juablokat, vot. Oi, tänävuoden yhtes juablokkua ei ole, a toizes on, no net myöhäizet oldah. Kartoškat kai nečis. Kaivoi tože, kaivoi iče diedo. V obsčem diedo oli, mostu mužikkad nygöi ole ei, no tämä srednői brihačču rodih juuri diedo. Jogo kohtaizeh hypättäy dai ruadau, dai. Ku tulou, kylyn häin lämmitäy, kuni armijes ei ollu. Ei pidänny sanuo: Mene kylyh, lämmitä, libo midä tahto vedet da kai. V obsčem, lapset moločat oldah. Abutetah äijy. Dai neičykky tože. Nu neičykky, kuin sanotah, räkki kezä oli ka, hänel himoittau enimäl neičykänke zagaraimah käydä. Toiči minä čakkadan tak, čakkua libo älä. No tože kartoškan tämän peldoizen myö hänenke kaivoimmo tänne. Tože väzyi, nostajes kartoškoin tože, sivuh andau. Mua jygei on ylen. No täs Karelis yhtet kived oldah muad. Täs ajat kanuavoit, nečidä ka, kai on kak budto on siemetty. Jogo vuottu kived nostah, nengomat boldugat. I brihačut vot tože niilöi kivilöi mäčketäh, nosteltah. Traktori ei tule kyndämäh. I kai kived pidi nostua iäreh. A muga täs kyläs... Nu kalale vie käydäh tože brihačut, veneh ostettih tože, kalat suadah dai kai. I kuivažimmo kalat tože. Nu milto pidäy elie, joute et istu vet' tädä, kui sanotah. A tak...

Ahpoisalgäs tože meile ei ole nikedä. Dačnikat eletäh tože. Verhnivažinskas tože nygöi dačnikat bol'sinstvo eletäh. Tože kylät ka pustovat' budut. Vot, a mostu midäbo, kui sanotah... Kyläs hyvä oliz, dai täs tože nygöi hot' ruadajat pandaz da srojittaz midä, kartoškat istutettaz, libo mid. Nimidä absol'utno. Da jogo sijas nygöi on muga. Ei kazvateta nimidä. Hot' žiivattoi pidettaz, libo midä tahto. Minäbi počin ottazin, a ka vidiš, varaidan, mennyt vuoden olin kaksi kierad boln'ičas... A ota žiivatta, kenbo kaččou? Kyläs nikedä ei ole. Jesli oliz kyläs eläjät, ka jo kačottaz midä tahto. A nyg kanat otiin, ka sarai vilu on, en tie rubetah munimah, neče. Mulloi hor'ku kai kanat söi, rikoi. Nu, sosiedal tože, viizi kanad tože rikoi. A muga täs on kylä pustoi. Nikedä ei ole. Ende oli, avtobusal ajat Verhnivažinskajas huondeksel libo ehtäl jogo talois tuli paloi. A nygöi ni tuldu da nimidä ei ole. Kai končaittihes.

– *Äijängo kerdua nedälis tänne avtolaukku kävy?*

No nedälis avtolaukku kolman päivän, a talvel ei vedä häin, tämä Verhnivažinskas. Rahvaste ei ole. Tyhjäh tulda. No minul täs leningradskoit eletäh, vot tädä. Ka häin produktah joga nedäli ajelou Svjatozerah. Ka häin tuou minul produktat. Maidoh ajelou ka. Nasčet etogo heile suuri passibo minä sanon. Vobsče hyvät. Dai Prižžäh bol'ničäh vedeltih, istummo heijenke dai kai. No moizie rahvahie vähä kus on. Vot. Hyö Leningruadaspäi oldah. Ka hyvät rahvahat oldah, konečno. Jogo kieral. I kai produktat i nygöi andoin bumažkan, midä tuoda, lekarstvad dai kai. Eigo lekarstvad ole, eigo nimidä, täs elät, nygöi kai lopittihes. Ende joga aptiekas oli, pos'olkkah. Bol'ničča oli mittyine suuri Verhnivažinskas, na tridcat p'at' mest oli. Dai rahvaste oli, dai buabot kai sigä viruttih, dai kai... A nygöi ni bolniččad da nimid. Yksi ambulatorii on sid bolniččas da i vs'o. Medsestru ruadau i vs'o. A pos'olka oli mittyine suuri. Kolmesadad seiččeitostu učenikkad oli, sigä, tol'ko. A nygöi ei ole ni lastu da nikedä ei ole. Nu, nuorižot oldah, no...

Myö tože Urualal ajelimmo, voinu azui ka, zavodišes v sorok pervom. Tože rahvahat, sosiedat to kartoškad keittoh annettih, mustan vot. Sid lehtelis, lik, likovoi lehtis, kyrzie pastoimmo, mama pastoi. Sid moine oli päčči železnoi, truba dlinnoi oli. I vot sih kartoškat leikod i kartoškat panet i syöt. Vot. Tože oli jygei tože eliä, tože kyläs tože rahvastu ei ollu, tože Urualal myö elimmö. Tože jygei oli eliä. A nygöi täs hot' midä

elä sano, ka gosudarstva abuttau heile, rahvahile bednoloile. A sid meile eihäi gosudarstva da ni miä abutannu, sovetskoin vluastin aigah...

Vot. Muga minä sanon. A nygöi jo priviknimmo, yksin elän, nu koirankel, koirankel. Da ehtäl pagizen libo midä tahto, ili menet čiepinke, libo zagul'aiččehe, sid tulou heijen vot lenengradskoi koiru kävelöy, tulou tänne. Hänenke nedäli yhtes svad'bod pidetäh. Vot. I sid, jo jälgeh, svuad'bu loppehes, minä sanon: mene kodih iäreh. Häin kodih lähtöy, a muga sinne aidah ei laske. Sid kui ärizeu, dumaiččou minä hänen iäreh ajan. I sid vot koiru on mittyine heijen. Konzu gul'aiččou, koirun meijenkel, kiimu konččihes i häin tuou syömizet. Emändy syöttäy hänen, häin tuou syömisty, naverno, miskan täydennen kai. A minä ka... A kieran, enzi kieran gu toi, minä duumain: Ken nenet otuavat toi, nečen vermešelin, pr'amo do kril'ca, pordahin luo pani sih syömizet. Duumaičen, možet ken toi, čtob otravizih koiru. Nu vot. A minä otin da hänen net syömizet keräžin, andoin, ortavin, neto hot' gul'aimah et rubie. I koirale andoin, net söi, a sid rubei počti každoi päivän. Hyö syötetäh sigä, häin syöy, nu kui hukil, lähtöy suuspäi, i kai syömizet tuou tänne, syöttäy. Sid konzu soau, soau poigad, tože syömizet tuou. Parembi mužikkad, vot kak on! Sanot, koirad ei, a koirad vie enämbän uhaživaittah akkoid, čem mužikat. Ne, pravda, pravda. Kak jest', tak ja tak govor'u. Daže lihad annetah, daže lihapalad pureittelou i kai tuou tänne koiru. A nygöi tulou tänne, minun nečidä, a vierahih ei laske pertih, heilä on aiduzabor i nikedä ei laske, a minä tulen, minä sanon: T'osča prišla. Vot. Minuh päi kaččou vot tädä, nu vot, minä sanon: Älä iännä! – minä sanon. – Minä s'eičas proidu. I laskou minu, ei pure da nimidäbo. I magatta vieröy sih neččih lat't'iele. Moine on umnoi koiru heil, mustu. Joga huondes on, jo načinaičet gul'aimah, jo häin täs vaste istuu nečis. Jo minä sanon: Kaiken peldon, kačo, proi... Kenhäi meijen jälged oldah, tąz on suured jälged. Minä sanon: oldahas libo ei, sinun koiru kävy, kučču tänne, minun verandal on salbattu, a häin haukkuu täs, čtobi minä händy piästäzin. Libo toizes pertis magadan minä i sigä haukkuu, štobi huondeksel minä piästäzin. A nygöi gul'aiččou, niin ka minä sanon: Midä sinä tulet, haukut tyhjiä. A tulou, minä sanon: Matkua iäreh kodih. Kaččou minuh päi i lähtöy iäreh kodih. Nu nengostu koirad mejjän Verhnevažinskas ei ollu, štob syödä tuodas vierahalla koiralla. A häin kai

syömizet tuou. A sid minä heile sanon, ka sid sanon: Nygöi rubiemmo, sanon, tämä... Teijen koiru tuou syömizet. Vie ei ammui, tuo, naverno, poigan sai, nu mejän zaboieiččihez, a nečidä, hänel allergija oli, hänen karvat kai lähtietih iäreh, češets'a dak. A potom tädä, kui sanotah, häin kävvy, tuou syömizet i iäreh pyhkäldäy. Minä sanon: Mene, mene kodih iäreh. I aidah, sinne sydämeh jo ei, ni minud ei laske, daže izändy tulou ottamah kodih hände i tože haukkuu. Nu nengostu koirad, minä sanon, vot ei ole vie kyläs. Moine on. Hyvä koiru on heijen. Da i mejen on hyvä koiru, hyvät porodat. Nu mejen, vidiš, nu neičykky, neičykky i on. Hälle pidäy aivin, dak aivin čiepis on, neččie juoksendelda himoittau, a heijen välläl kävelöy da aidan sydämes on, ga välläl on. I tulou, nu vieraste ei laske, kieran, sanou, humalniekku tuli, ka händy kädes hvatanula, nu koirat humalniekkoi ei l'ubita, jesli humalas tulet, značit ei l'ubita heidy, vot eto... Muga kylä on hyvä, dai rahvahat oldah kai hyvät, spokoinot...

– *А как эта деревня называется?*

Эта деревня Важинская Пристань.

– *Это карельское название?*

Ну, Важинской тоже ее называли.

– *Вы карелка?*

Сама карелка

– *Расскажите мне о своей жизни, о чем больше хотите.*

Но как я скажу? В Афанасьевой Сельге жила, затем в городе жила, Петрозаводске. А потом приехала в отпуск, потом встретилась с мужем и вот поженились. Он из Кашканов был. Ну, вот и потом мы жили сколько? Почти пятьдесят лет... Потом он умер. Но он был очень работающий мужик. Он, не знаю, когда отдыхал, вообще дни и ночи, считай, работал. Этот дом сам построил, совершенно один. И потом, за коровами смотрел... За коровой смотрел, еще в лес ходил на работу. Ну, ростом хоть маленький был, но шустрый мужик. Дочка тоже такая уродилась. Также трудолюбивая, всю мужскую работу делает. Также по грибы ходила. То дрова пилит, сама дочка.

– *Она в этой деревне живет или ездит из города?*

Она живет в городе. У нее трое детей. Сыну старшему двадцать четыре года, второй в армии и дочка есть, семнадцать лет... Приехала сюда, тоже дрова пилит, лесовоз дров привезли, тоже она половину распилела, половину лесовоза распилела, а потом сын приехал. Сын остальное распилел. Всю мужскую работу делает.

– *А у Вас есть еще дети?*

У меня она одна. Больше никого нет. Помогают, всю работу, и крышу, и все... Картошку тоже выкопали, она выкопала. И я помогла копать и из-за этого все болит, ничего не могу помогать... А ягоды она мне каждый год собирает и все. И картошку помогают копать. Теперь кур еще держу. Коза была. Когда с мужем жили, две коровы было. Коров муж сам пас, вот здесь один жил. Ну, как сказать, мужик был очень ходовой и дочка тоже, да и сын... Дочка за ягодами ходит до пяти, за ягодами ходит в лес. Полпятого или в четыре возвращается домой. Также нужно хоть какие-нибудь деньги зарабатывать. Дети есть. Также трое. Один сын работает, старший, а младший в армии. Чем поможет? Ну, он тоже как дед, работающий, везде успевает, и поле скосит, эти пожни, и дрова спилит и все вообще. Я и говорю: «Ты как дед». И похожи, фотографию вот мама его принесла, тоже на фотографию смотрю, так похож на деда. И он радуется, что на деда похож. Лесотехникум закончил, вот это. Так тоже после армии куда на работу устроится? С работой туго. А старший работает сварщиком, но тоже работы на заводе нет, сидят там, а непустили. Хоть бы сюда приехал и поработал чего-нибудь. А без работы они ведь будут лентяями, потом не будут ни... Так хоть сама когда на диване сижу, уже тоже не хочется работать. Ну, яблони посадили с дедом тоже все. Это свои яблоки, вот. Ой, в этом году на одном дереве яблоки есть, на другом нет, но они поздние. Картошка здесь вся. Копал тоже, дед копал. В общем, дед был, таких мужиков теперь нет, но этот средний парень очень на деда похож, везде успевает, работает. Как приедет, баньку стопит, пока в армии не был. Не нужно было говорить: «Иди баньку истопи или воды принеси». В общем, дети молодцы. Помогают много. Да и девочка тоже. Ну, девочка, как говорится, жаркое лето было, так ей больше хочется с девочками загорать пойти. Иногда я ругаю, но ругай, хоть не ругай. Но тоже этот

огородик мы с ней выкопали. Тоже устала, поднимая картошку, в поясницу дает. Земля очень тяжелая. Но здесь, в Карелии одна каменная почва. Здесь едешь, канавы, все как будто засеяно. Каждый год такие камни поднимаются, такие бульжники. И парни тоже эти камни мячкуют, поднимают. Трактор не приезжает пахать. И все камни пришлось убирать. А так в деревне... Ну, на рыбалку еще ходят, тоже парни, лодку купили тоже, рыбу ловят и все. И сушили бы рыбу тоже. Ну, как-то ведь надо жить, без дела не посидишь, как говорится. А так... В Афанасьевой Сельге тоже у нас никого нет. Дачники живут тоже. В деревне Верхние Важины тоже теперь дачники живут в основном. Тоже деревни все пустовать будут. Вот, а так что еще, как говорится... В деревне хорошо было бы, и здесь тоже теперь хоть работников бы наняли и построили что-нибудь, картошку бы посадили или еще что-нибудь. Ничего абсолютно. Да теперь везде так. Ничего не выращивают. Хоть бы скотинку держали или чего-нибудь еще. Я бы поросенка взяла, но видишь, боюсь, в прошлом году два раза была в больнице... А возьми животное, кто будет смотреть? В деревне никого нет. Если бы были в деревне жители, присмотрели бы. А теперь кур взяла, но сарай холодный, не знаю, будут ли нестись. В прошлом году хорек всех кур поел, убил. У соседей тоже пять кур, всех погрыз. А так деревня пустая. Никого нет. Раньше, бывало, на автобусе едешь из деревни Верхние Важины утром или вечером, так в каждом доме свет горел. А теперь ни света, ничего нет. Все закончилось.

– А сколько раз в неделю сюда автолавка ездит?

Ну, за неделю в среду приезжает автолавка, а зимой не приезжает, это из деревни Верхние Важины. Людей нет. Впустую ездить. У меня здесь ленинградские живут, вот это. Так он за продуктами каждую неделю ездит в Святозеро. Так он привозит мне продукты. Даже за молоком ездит. На счет этого я им большое спасибо говорю. Вообще хорошие. И в Пряжу в больницу возили, сидим с ними. Но таких людей мало где встретишь. Вот. Они из Ленинграда. Но хорошие люди, конечно. Каждый раз. И все продукты и теперь дала бу-мажку, что привезти нужно, лекарства и все. Ни лекарств, ничего нет, здесь живешь, все закончилось. Раньше в каждом поселке была

аптека. Больница была какая большая в Верхних Важинах, на тридцать пять мест была. Да и людей было, бабушки даже там лежали... А теперь ни больницы ничего. Одна амбулатория в больнице и все. Медсестра работает и все. А поселок какой большой был. Триста семнадцать учеников было только здесь. А теперь ни детей, никого нет. Ну, молодежь есть, но... Мы тоже на Урале были, война все сделала, в сорок первом началась. Тоже люди, соседи картошку на варку давали, помню. Потом из листьев, лык, лыковых листьев лепешки пекли, мама пекла. Печка такая была железная, труба длинная. И вот туда картошку нарежешь, положишь и ешь. Вот. Тоже было жить тяжело, тоже в деревне людей не было, тоже на Урале мы жили. Тоже тяжело было жить. А теперь здесь хоть что говори, государство помогает им, бедным людям. А тогда нам государство ничем не помогало при советской власти.

Вот. Так я скажу. А теперь уже привыкла, одна живу, ну, с собакой. Вечером разговариваю с ней или еще чего-нибудь, или пойдешь с цепью, или она загуляет, тогда приходит ленинградский пес. С ним неделю вместе свадьбу играют. Вот. А потом свадьба заканчивается, я говорю: «Возвращайся домой». Он домой идет, а так за забор не пускает. Потом как зарычит, думает, я его прогоняю. Вот такая у них собака. Когда погуляет с нашей собакой, течка закончится, и он приносит еду. Хозяйка кормит его, а он приносит еду, наверно, целую миску. А я... А однажды, в первый раз когда принес, я подумала: кто эту отраву принес, эту вермишель, прямо к лестнице положил еду. Подумала, может, кто принес, чтоб отравить собаку. Ну вот. А взяла и эту еду собрала, а отравишься, хоть гулять не будешь. И дала собаке, та съела, а потом начал почти каждый день. Они покормят там, он съест, ну, как у волков, в пасти и всю еду сюда тащит, кормит. Когда родит щенков, тоже еду приносит. Лучше мужика. Говорят, собаки еще больше ухаживают за своими невестами. Нет, правда, правда. Как есть, так я и говорю. Даже мясо дают, даже мясо покусает и все принесет сюда собака. А теперь придет сюда, а чужих не пускает в дом, у них забор и никого не пускает, а я приду, говорю: «Теща пришла». Вот. На меня посмотрит, ну вот, а я говорю: «Не ори!» – говорю я – я сейчас пройду». И пропускает меня, не кусает и ничего. А спать

ложится сюда на пол. Такая собака умная у них, черная. Каждое утро пойдешь гулять, он уже здесь сидит. Уже я говорю: «Смотри, все поле пробегал...». Это не нашей ведь следы, здесь большие следы. Я говорю: «Как хочешь, твоя собака приходит зовет. Веранда у нас закрыта, а он лает здесь, чтобы я свою собаку отпустила». Или в другой комнате я сплю, так и там лает, чтобы утром отпустили. А теперь гуляет, так я и говорю: «Чего ты приходишь, пустого лаешь?». А придет, я говорю: «Иди домой». Посмотрит на меня и идет домой обратно. Ну, такой собаки у нас в Верхних Важинах еще не было, чтобы еду приносила чужой собаке. А он всю еду приносит. А я тогда им говорю: «Теперь будем, говорю, это... Ваша собака всю еду приносит». Еще не так давно та, наверно, щенка родила, ну, наша заболел, а это, аллергия была, даже шерсть вылезла, чешется так. А потом это, как говорится, он придет, принесет еду и убегает. Я говорю: «Иди, иди домой». И за забор и даже меня не пускает, даже хозяин придет домой забирать и тоже облает. Ну, такой собаки, я уже сказала, не было в деревне. Такой он. Хорошая собака у них. Да и наша собака хорошая, хорошие породы. Ну, наша видишь девочка, девочка и есть. Ей всегда нужно, так всегда на цепи, бегать хочется, а он больше на свободе гуляет и за забором, но на свободе. И приходит, но чужих не пускает, однажды, говорит, пьяница пришел, так его за руку хватанула, ну, собаки пьяниц не любят, если пьяный придет, значит не любят их, вот это... Так деревня хорошая, да и люди все хорошие, спокойные.

Карел 1960 г.р., ур. с. Эссойла (D'essoilu),
дер. Крошнозеро (Nuožjärvi)
ФА 3746, 3747

– *Oletto Työ karjalaine?*

Karjalaine. I died'oi karjalaine, i buaboi karjalaine, i muamo, i tuatto karjalaine. Kai karjalaiset ollah.

– *No, sanokkua minule omas elaijas, lapsusaijas da sidä midä Työ iče tahtotto.*

Täs voibi suarnua sanuo puolekse päiviä.

– *Ga sanokkua.*

No died'oi, buaboi – sie kai Vieljärven čupuspäi ollah. Semmoizii kylii nygöi jo eulo. Died'oi on Salosuarepäi, buaboi – Korbinimespäi. Buaboi, muamon, on Il'p'alspäi, no died'oida en tiijä. Händy tapettih voinal. Lopin Vieljärven školan. Kaksitostu vuottu uidelin. Nain, koin strojin, kaksi poigua kazvatin. Nygöi sovhozas ruan Priäžäs. Penziessäh on vie vuozii.

– *Konzubo tulitto täh kyläh elämäh?*

Enzimazen venčan panin avgustal yheksäkymen kaksi. Kaksi vuottu strojin. Sygyzyl yheksäkymen nelli tulini elämäh. Kogo ijän čamodananke et kävele. Pidäy rannal tulla. Kaksi lastu. Akku sanoii: «Kuundele, ei sua kogo ijän čamodanoinke käveltä. Pidäy rannale mennä».

– *A Teijän akku, ongo häi täs kyläspäi?*

Nuožjärvilaine. Häi on nygöi penziel, školan ruadau pouvarinnu.

– *Työ kudualbo kielel akanke pagizetto?*

Kielastua vai oigieh sanuo? Ven'akse, no konzu pidäy, voimmo karjalakse.

– *A lapsienke?*

Se jälgimäine polvi, kudai pagizou karjalakse, se minun polvi. Lapset, tiijät, gu koiru – kai tiedäy, tiijustau, no sanuo ei voi nimidä.

– *Kusbo Teijän lapset eletäh, täs kyläsgo vai linnas?*

Vahnembaine poigu Baltiekal merel mehuaniekannu ruadau, a nuorembi poigu Kronštatas sluužiu.

– *Sanokkua, pidäygo, gu hyö paistas karjalakse?*

No, semmostu mieldy olen, tiijät, gu vie sanotah rahvas. Oli minul dovariššu, karjalaine mies. Hänenke zavodimmo karjalakse paista bitovkas, sanotah: «Govorite po-russki!»... Meih kačotah, gu inoplanit'aniloih, karjalaizih.

– *Täs kyläs kenenke Työ pagizetto karjalakse?*

Kyläs... Kyläs gu näit karjalaizen, gu kiändyy piäs mielet, hänenke pidäy paista karjalakse. Tiijät, gu karjalakse zavodit paista, hyö jo sinuh kačotah, gu omah, gu rodn'ah rouno, tiijät. Gu karjalakse pagizet, hyö iče zavoditah karjalakse paista. ...Minuu kyläs kaikin tietäh. Jongoi vastah tullah, jo zadoditah karjalakse pagista. Ei pie ezmäi zavodie.

– *Ongo äijy mostu ristikanzua, ken pagizou karjalakse vai vähä jäi?*

No, minä jo omua piädy, omii silmii myöte tiijän kenenke pidäy karjalakse paista, kenenke pidäy ven'an kieldy. ... No, kyläh tulen, minä voin paista karjalakse. Kentah tuttavu puuttuu, ken laukkah tulou, buaboi sie, naizet, jongoi kuduat ollah vuozis. Miesty ylen vähä. Miehet kaikin kuoltih. Vähä ken karjalakse...

– *Enne enämbigo paistih karjalakse?*

Enämbi. Minä sanozin, se kieli jo kuolemas on. En tiijä kui ielleh se lahtöy. Minä gu plavaniespäi tulen, sie ainos ven'a, ven'an kieldy. ...

– *Ongo Teile sizardy, vellie?*

Minuu? Kaksi vellie on.

– *A hejjänke Työ karjalakse pagizetto?*

Konzu pidäy, myö vellinge karjalakse pagizemmo. Hyö hyvin tietäh karjalan kieli.

– *Konzu Työ lapsennu olitto, kois vai karjalakse paistih?*

Se oli jo prošlii vek. Se oli Brežnevan aigu, tiijät. Emmo ni sadiekkah känyh. Meile oli sadiekku buaboin luo, rinnal. Buaboinke kazvoimmo, sendäh meile i kieli tarttui.

– *A oligo semmostu, gu sanottih «Älä pagize karjalakse, ei sua paista karjalakse»?*

No, semmostu ei sua sanuo, što ei sanottu. Gu školah lähtet, gu ven'an kieldy enämbi. Oli propogandu ven'an kielen. Školas ainos pidäs paista ven'an kieldy. Ven'an kieli – se on toine kieli. Sanat ollah segoitettu. Nygöi paistah puolet sanat ven'akse, puolet karjalakse.

– *Midä mieldy Työ oletto, konzu elaiгу oli parembi, enne vai nygöi on parembi?*

Mittuizil silmil kaččuo. Joga toine kaččou elajah omil silmil. ... Kaikenmostu elaiгуa pidi eliä. Elimmö myö i Brežnevan elaiгуa, i vähäizen tabaimmo Andropovua. Minä olin pieni lapsi. Minul äijygo? Nelli vuotta, konzu Hruščov oli. Minä sidä ni musta en. Minä vai Hruščovan žurnualan mustan, konzu makulatuurua, ainos bumuagua veimmö. Libo počinpoijanke, libo kukuruuzupočatkanke... Brežnevan aigua, sit Andropovan aigua, Černenko, Bor'an Jel'cinanke puuttui sidä leibiä syvvä. Kaiken moizet reformat oldih täs, Gorbačovan. Se kai... Mi oli meile täs kaikenmostu, tiijät, prezidenttua, nu, Jel'cin, se en tiijä,

se on normal'noi prezidenttu. Kuni vie Jel'cin da Šoigu ollah, sini myö elämmö.

– *Ongo täs kyläs ruaduo ristikanzoil? Kus ruatah kaikin?*

Minul vuozii jäi penziessäh, ga minä vie kuitah, naverno, vuvven vie ruavos olen. Ruoduo eulo nikus.

– *A Työ nygöi souhozasgo ruatto?*

Da, Prižžän souhozas ruan. Se on zverofermu. Yksi zverofermu, kudai kogo Karjalah jäi. Kaikin hyö bankrotat ollah, kuoltih. Jälgrimäine kogo Karalas zverofermu.

– *Kedä sie kazvatetah?*

Reboidu... Minä jo, kačo, unohtan nenne sanat, norka, pesec. Ollah net sanatgi karjalan kielel, no minä en tiijä. No, se naizet kačotah. Meijän dielo, tiijät, furi vigružat' da konzu midägi. ...

– *Ruavon jälles ongo äijy ruaduo kois?*

Sinä iče tulit minul piäkyläs. Ičehäi näit, kunne vai silmät ei mendäs, kaikkiel on ruaduo. ...Peldo on kaivettu. Nygöi talvekse pidäy ležankan riiččie, päčči uuzi panna. Veit, hallot, kyläs ainos pidäy pyryö.

– *Ičego strojitto tämän koin?*

Iče. No, tiijät, sil aigua, kuni vie den'gat ei huovistuttu, mužikko ruatutin. Yksinä ei sua nengozii parzii nostua. Parret ollah... Alavenčat ollah kolmetostu metrii. Toizet kymmene metrii...

– *Kui pidäy kodii strojje. Mittuine ruado se on?*

Jesli olet normal'noi mužikko, ijäs se pidäy kodi strojje. Pidäy kodi strojje ob'azatel'no. Se, en tiijä, kui ennevahnas mužikko yhten koin strojii vai kahteh kodih hänel täydyi voimua. Koin ob'azatel'no pidäy strojje. Vai ei pidä vuottua, konzu sinul annetah. Myö kogo ijän iče. Ei pidänyh vuottua. ... Kenbo sinul andau, esli sinä iče et lekkune. ...Kodi strojje – se ei kyly panna. Kodi syöy ylen äijän neruo.

– *Midä pidäy ruadua koin strojjes?*

Koin strojjesgo? Se vai tiedäy sen, ken ičel väil oman koin strojii. Nygöi voibi kai ostua. Tahtot veriän ostua, mittuine pidäy sinul kiägy, mittuizet sinul pidäy ikkunat – kai, kai voibi ostua, vai maksa, maksa, maksa. Tuvvah solofanas, kai kirpičät. A silloi, konzu minä zavodin strojuu, provodkua ei suannuh suaha, kaikis vahnois kylis kaikenemoizii

pidi, tiijät, eččie kirpiččä da konzu midä sie, zadvižkoi. Ei olluh nimidä. ... A nygöi tulit, maksoit, kai. Piä seguou. Laukkah tulet – kai on. Enne pidi kai eččie, nygöi on kai. ...

– *A ongo Teil päčči?*

A kuibo kyläs? On päčči.

– *Ičego luajitto sen?*

No, se päččiniekku, kudai oli, se vahn u päččiniekku. Häi kogo ijän päččii valmisti. Minä konz hänel toin bibliotiekaspäi bumuaat: «Voitgo sinä semmoizen proektan valmistua?». Häi kačoi nenii, kaikenmoizii sie risunkoi, kundeli. «Minä vai voin semmoizen päčän valmistua, kuduas minä olen spetsialistu. A sinun nenii, kaikkii čomii kartinkoi, sina voitit hot' iče». ... Häi jo kuoli. Päččiniekkoi nygöi vähä ken... Semmoine päččiniekku se oli, kui sanuo, ot boga. Häi iče mietti, duumaičči. Häi hil'l'ah valmisti päččii. ...Nygöi vähä on mostu päččiniekkua. Nygöi ložim pečki, kamini. Vai gazietan avait, sie ollah kaikin specialistat, toine tostu parembua.

– *Ongon Teil kyly?*

On kyly. Kuibo kylyttäh.

– *Ičego strojitto?*

Nu, voibi sanuo, što iče. Abuniekku ainos pidäy olla.

– *Mittustu ruaduo pidäy ruadua, gu kyly olis?*

Se pidäy kaččuo, mis kohtas elät, kus on sinul vezi, kus on sinul sviettu. Se on celaja sistema. Ethäi pane kylyy kunne tahto sinne niykkäh. Sit pidäy kaččuo vezi, randu. Teijän nygöi kylyy ei sua rannal panna. Enne meijän vahnembil järvirannas oldih kylyt. Nygöi štobi kyly panna järven randah – se on katastrofa. Semmoizet ollah zakonat: ei anneta karjalaizil kylylöi pidiä rannal. ...

– *Meččä pidäygo tuvva?*

Sina sanothäi nenne kai. Se minun pokoleinii. Minun pokoleinii, se jo jongoi opitelluh, kui meččä kuadua, kui strojie, kui parzii kuorittua, kui sammaldu ottua. A en tiijä, vähä ken, naverno, nygöi nuoris miehis voi koin strojie. Se on nygöi pokolenije planšetnikov. Heile ollah jo toizet mielet. ...

– *Ongon teil žiivattua?*

Enne piin, nygöi ollah vai kanat. Kuuzi kanua da yksi kukoi. Enne poččiloi piimmö, vie koza oli... Lehmnän minä sen möin. Minä jongoi

kolmekymmenen kaksi vuotta gu lopin uijendan. Lehmy pidäs vie gu nuorembi olet. Konzu niittiä voibi da kaikkie. Nygöi kyläs ni yhty lehmiä ei ole, uskot vai et? Lammastu, en tiijä ongo kel vie koza vai ei. Enne täs oli, kus minun kodi, netuas ainos buabat käveltih: «Val'a, Val'a, Val'a, Val'a». Sie lammastu oli da kozua oli, nygöi nimidä. Enne vie paimoidu piettih. Kačo, stado oli oma. A nygöi kyläs eulo lehmiä.

– *Kanua milbo syötättö?*

Ei kanoil äijiä pie. Kanoil ostat krupua, midä stolaspäi on. Kezäl, kačo, ollah pihal hyö, nädziä lykit sinne. Kana eihäi ole počči. Se počči pidäy syöttiä, kombikormat ollah kallehet. Kanois ei ole problemua.

– *Muarjah, gribah kävyttögo?*

Kävymmö, konzu aigua on i muarjah i gribah.

– *Ongo siendy tänä vuon?*

Siendy... Ken kui sanou. Pidäy kaikkii kuunella, omua mieldy piäs pidiä. Yhtet sanotah valgiedu kahteskymmenes minuutas kaksi pakettua keriat. Minä gu meččäh lähtenen, se moine mies olen, sijoi en tiijä. Siendy on, da gribua. A niken ei sano, kus siendy da gribua on. Sanotah, mina kävelin sie, no sie jo ei ole nimidä. Minä duumaičen, mikse minä sinne ajan, benzina vai polttamah. Sih ei sua sanuo, sygyzy on hyvä.

– *Konzu äijy siendy on, midä työ ruatto?*

Se kai ollah akan problemat. Viego minä ruvennen sienii da griboi kuivettamah. Se akku kai... Ennevahnas, kačogoi, kyläs elettih died'oin died'oit. Oma talo, oma hozaistvu kaikkii syötti. Eihäi olluh ni laukkoi. Ennevahnas, kui died'oi vie minun hengis oli, taloih sie kupcat tullah, tavarat tuvvah, ni laukkoi ei olluh kyläs. Se oli kodi kui oma fortpostu. Sie oldih kai: i sienet, i muarjat, i jauhot. No, spičkah da suolah käydih Petroskoile. Kaksi päiviä, kolme sinne da kodihpäi uuvvessah. I elettih...

– *Вы карел?*

Карел. И дед карел, и бабушка карелка, и мама, и папа карелы. Все карелы.

– *Расскажите мне о своей жизни, о детстве и о том, о чем Вы сами хотите.*

Тут можно сказки полдня рассказывать.

– Ну, расскажите.

Ну, дедушка, бабушка – все родом из Ведлозерья. Таких деревень сейчас уже нет, дедушка из Сало-острова, бабушка из Корби-наволока, мама из Иллялы, а дедушку не знаю. Его убили на войне. Я закончил Ведлозерскую школу, двенадцать лет ходил в плавание. Женился, построил дом, вырастил двух сыновей. Теперь работаю в совхозе, в Пряже. До пенсии еще год.

– Когда переехали жить в эту деревню?

Первый венец положил в августе девяносто второго. Два года строил. Осенью девяносто четвертого переехал сюда жить. Всю жизнь с чемоданами не находишься. Нужно на берег возвращаться. Двое детей. Жена сказала: «Слушай, нельзя всю жизнь с чемоданами ходить. Нужно на берег возвращаться».

– А ваша жена, она из этой деревни?

Крошнозерка. Она уже на пенсии, работает в школе поваром.

– А Вы на каком языке с женой разговариваете?

Соврать или правду сказать? По-русски, но когда нужно можем и по-карельски.

– А с детьми?

Последнее поколение, которое говорит по-карельски, это мое поколение. Дети, знаешь, как собака, – все знает, узнает, но сказать ничего не может.

– А где Ваши дети живут, в деревне или в городе?

Старший сын работает на Балтике механиком, а младший сын служит в Кронштадте.

– А скажите, нужно ли, чтобы они разговаривали по-карельски?

Я такого мнения, знаешь, что еще говорят люди. Был у меня друг, карел. Начнем с ним по-карельски в бытовке разговаривать, говорят: «Говорите по-русски!»... На нас смотрят, как на инопланетян, на карелов.

– В этой деревне с кем Вы разговариваете по-карельски?

В деревне... В деревне, если увидишь карела, точно в голове мысли повернутся, с ним нужно говорить по-карельски. Знаешь, если по-карельски начнешь разговаривать, они на тебя уже смотрят

как на своего, родного, знаешь. Если по-карельски говоришь, они сами начинают говорить по-карельски. Меня в деревне все знают. Как на встречу придут, так и начинают по-карельски говорить. Не нужно первым начинать.

– *Много ли таких еще говорящих на карельском или немного осталось?*

Ну, я уже по своей голове, по глазам знаю, с кем нужно по-карельски говорить, с кем по-русски... Но в деревню приду, я могу говорить по-карельски. Кто-нибудь знакомый попадетя навстречу, кто в магазин придет, бабушка там, женщины, которые уже в годах. Мужиков очень мало. Мужики все умерли. Мало кто по-карельски...

– *Раньше больше разговаривали по-карельски?*

Больше. Я бы сказал, этот язык уже умирает. Не знаю, как дальше пойдет. Я как из плавания ни приду, там постоянно русский, по-русски...

– *Есть ли у Вас сестры, братья?*

У меня? Два брата есть.

– *А Вы с ними на карельском разговариваете?*

Когда надо, мы с братьями на карельском разговариваем. Они хорошо знают карельский язык.

– *Когда Вы были ребенком, дома только по-карельски разговаривали?*

Это был уже прошлый век. Это были брежневские времена. Мы и в садик не ходили. У нас был садик с бабушками. С бабушками росли, поэтому язык освоили.

– *А было ли такое, что говорили: «Не говори по-карельски, нельзя говорить на карельском?»*

Ну, так нельзя сказать, что не говорили. Если в школу пойдешь, чтобы больше по-русски... Была пропаганда русского языка. В школе всегда нужно говорить по-русски. Русский язык – это другой язык. Слова перемешаны. Теперь разговаривают половина слов по-русски, половина по-карельски.

– *А как Вы думаете, когда жизнь была лучше, раньше или сейчас лучше?*

Какими глазами посмотреть. Каждый второй смотрит на жизнь по-своему. Всякое пришлось пережить. Жили мы и во времена Брежнева, и немножечко зацепили времена Андропова. Я был маленьким ребенком. Мне сколько же? Четыре года было, когда Хрущев был. Я этого даже не помню. Я помню только хрущевский журнал, когда макулатуру, бумагу постоянно возили. Или с поросятами, или с кукурузными початками. Брежневское время, затем время Андропова, Черненко, с Борей Ельциным довелось того хлеба поест. Всяческие реформы были здесь, Горбачева. Это все... Сколько у нас было здесь, знаешь, президентов, ну, Ельцин, не знаю, он нормальный президент. Пока Ельцин и Шойгу есть, мы живем.

– А в этой деревне есть ли работа? Где все работают?

У меня год остался до пенсии, но еще как-нибудь, наверно, год поработаю. Работы нигде нет.

– А Вы сейчас в совхозе работаете?

Да, в Пряжинском совхозе работаю. Это звероферма. Единственная звероферма, которая осталась еще в Карелии. Все они банкроты, уничтожены. Последняя звероферма во всей Карелии.

– Кого там выращивают?

Лису... Я уже, смотри, забываю все эти слова, норка, песец. Есть и эти слова на карельском языке, но я не знаю. Но за ними женщины ухаживают. Наше дело, знаешь, фуры разгружать и когда что...

– А после основной работы, много ли дома работы?

Ты же сама из деревни приехала. Сама ведь видишь, куда бы глаза ни посмотрели, повсюду работа. Поле выкопано. Теперь на зиму надо лежанку разобрать, новую печь построить. Вода, дрова, в деревне постоянно нужно крутиться.

– Этот дом Вы сами построили?

Сам. Но знаешь, когда еще деньги не обесценились, мужиков нанимал. Одному нельзя такие бревна поднимать. Бревна... Нижние венцы тринадцать метров длиной. Другие десять метров...

– Как нужно дом строить? Какая это работа?

Если ты нормальный мужик, за всю жизнь нужно дом построить. Нужно дом построить обязательно. Не знаю как раньше, мужик один дом строил или у него хватало сил на два дома. Дом обязательно

нужно построить. Только не нужно ждать, когда тебе дадут. Мы всю жизнь сами. Не нужно было ждать... Кто тебе что-нибудь даст, если ты сам не пошевелишься? Дом возвести – это не баню построить. Дом съедает очень много мастерства.

– *Что нужно для строительства дома?*

При строительстве дома? Это знает только тот, кто сам себе построил дом. Теперь можно все купить. Хочешь дверь купить, какую нужно тебе ручку, окна – все, все можно купить, только плати, плати, плати. И кирпичи в целлофане привезут наготово. А тогда, когда я начинал строительство, проводку нельзя было достать, по всем деревням, знаешь, пришлось искать кирпичи и когда что, задвижки. Ничего не было... А теперь пришел, заплатил за все. Голова кругом идет. В магазин придешь – все есть. Раньше приходилось все искать, теперь все есть...

– *А у Вас есть печка?*

А как же в деревне? Есть печка.

– *Сами ее построили?*

Ну, это печник, который был, это старый печник. Он всю жизни печи клал. Я когда ему из библиотеки принес материал: «Можешь ли ты такой проект подготовить?» Он посмотрел эти, всевозможные рисунки, послушал. «Я могу только такую печь сделать, по которой я специалист. А эти твои красивые картинки, ты и сам можешь сделать»... Он уже умер. Из печников теперь мало кто... Это такой печник был, как говорится, от бога. Он сам все продумывал. Он потихонечку печь клал... Теперь мало таких печников. Теперь «Кладем печки, каминь». Только газету откроешь, там все специалисты, один лучше другого.

– *Есть ли у Вас баня?*

Есть баня. Как же без бани.

– *Сами строили?*

Ну, можно сказать, что сам. Помощники всегда есть.

– *Что нужно, для того, чтобы построить баню?*

Нужно посмотреть, в каком месте ты живешь, где у тебя вода, свет. Это целая система. Ведь баню не построишь где-нибудь там. Нужно посмотреть воду, берег. Теперь баню на берегу нельзя

построить. Раньше у наших родителей бани были на берегу озера. Теперь, чтобы баню построить на берегу озера – это катастрофа. Такие законы: не дают карелам бани строить на берегу.

– *Нужно ли привозить лес?*

Ты ведь сказала это все. Это мое поколение. Мое поколение уже испробовало, как лес валить, как строить, как бревна тесать, как мох собирать. А не знаю, мало кто, наверно, из молодежи может теперь дом построить. Это теперь поколение планшетников. У них уже другие мысли...

– *Держите ли вы скотину?*

Раньше держал, теперь только куры. Шесть кур и один петух. Раньше поросят держали, еще коза была... Корову я продал. Я уже тридцать лет как не хожу в плавание. Корова нужна, когда еще молодой. Когда косить можно и все делать. Теперь в деревне ни одной коровы нет, веришь или нет? Овцы, есть ли у кого еще коза или нет? Раньше здесь, где мой дом, там всегда бабушки ходили: «Валя, Валя, Валя». Там овцы были и козы, теперь ничего. Раньше еще пастух был. Смотри, стадо было свое. А теперь в деревне нет коров.

– *Кур чем кормите?*

Курам много не надо. Курам купишь крупы, что со стола. Летом, смотри, они на улице, мокрицу туда кидаешь. Курица не поросенок. Это поросенка нужно кормить, комбикорма дорогие. От кур нет проблем.

– *Вы ходите в лес за ягодами, за грибами?*

Ходим, когда время есть и за ягодами, и за грибами.

– *Есть ли грибы в этом году?*

Грибы... Кто как говорит. Нужно всех слушать, но голову на плечах держать. Одни говорят, белых за двадцать минут два пакета соберешь. Я как в лес ни пойду, такой я мужик, мест не знаю. Пластинчатые грибы есть и трубчатые. А никто не говорит, где эти грибы есть. Говорят, я ходил там, но там уже ничего нет. Я думаю, зачем я туда поеду, только бензин жечь. На это ничего не скажешь, осень хорошая.

– *Когда много грибов, что вы с ними делаете?*

Это все женские проблемы. Еще ли я буду пластинчатые и трубчатые грибы сушить. Это все жена... Раньше в старину, смотри, в деревне жили деда дедов. Свой дом, свое хозяйство всех кормило. Не было ведь магазинов. Раньше, когда еще мой дед был жив, в дом купцы придут, товар привезут, ведь магазинов не было в деревне. Дом был как свой форпост. Там было все: и грибы, и ягоды, и мука. Но за спичками и солью ездили в Петрозаводск. Два дня, три туда и домой обратно. И жили...